Ермак. Начало

Автор:
Игорь Валериев

Ермак. Начало

Игорь Валериев

Ермак #1Попаданец (АСТ)

Сознание офицера спецназа с позывным «Ермак», прошедшего Афган, две чеченских кампании, несколько других конфликтов и загранкомандировок, после смерти переносится в 1888 год. Новое тело принадлежит четырнадцатилетнему сироте – будущему казаку Амурского войска.

Теперь Ермаку надо найти своё место в новом мире. Что делать дальше, такой вопрос перед Ермаком не стоит. Он умеет защищать Родину, и не важно, как она называется – Российская Федерация, Советский Союз или Российская империя, но один в поле не воин.

У героя есть боевой опыт грядущих времён, послезнание о драматических событиях будущей истории и желание избежать такой судьбы для Родины. А ещё казачата из родной станицы и методика обучения спецназа.

Сможет ли он применить свои умения офицера XXI века, чтобы изменить события нового для себя мира? Делай что должно, и будь что будет. Время покажет…

Игорь Валериев

Ермак. Начало

© Игорь Валериев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается моей любимой жене Людмиле, чья настойчивость заставила меня дописать книгу, а уверенность в моих способностях – представить произведение на суд читателей.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Борисова Юрия Дмитриевича (он же Старицкий Дмитрий), Зуркова Дмитрия Аркадьевича, Евдокимова Сергея, Ковшик Павла Ивановича, Мешалкина Леонида Васильевича, Орлова Александра Сергеевича, Перунова Антона Юрьевича, Семеникина Александра Викторовича, Спесивцева Анатолия Федоровича, Черепнева Игоря Аркадьевича.

Граница родила казачество, а казачество создало Россию.

Л. Н. Толстой

Пролог

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

Это мой клиент, подумал я, беря его на прицел. Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и к дисциплине, нам не надо. Дождавшись залпа

фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов – и тишина. Сигнал Шаха криком-писком енотовидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая процедура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) – стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертв или жив противник? Правильно, лучшее доказательство смерти противника – твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил Суворов, молодец. Тем более и шашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли, опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер».

– Вот это мы их навалили! – раздался за моей спиной удивленный возглас Ромки. – Неужели все?

– Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, – прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. – Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

– Что проведем, Ермак? – переспросил подошедший Вовка Лесков.

– Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотрят в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось дойти пару шагов, тот неожиданно вскочил с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх попытался располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексах отпрянул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще неудивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

– Ермак, ты цел? – каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

– Вот это, господа казаки, и называется зачистка, – сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

– Ермак, а как ты успел среагировать? – спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

– Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворится мертвым и может напасть, – начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как меня продолжает трясти. – А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя – выстрел в голову».

– Да-а-а уж-ж-ж! – очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» произнес Леший.

– Ага, – философски подтвердил Лис.

– Продолжаем зачистку!

И я двинулся вперед.

Глава 1. Ермаковская падь

Если посмотреть сверху, с высоты птичьего полета, то непроходимые леса с запада и севера ограждают неглубокую зеленую падь, тянущую с запада на восток, а с юга синеет великий Амур, за которым возвышаются маньчжурские горы Ильхурн-Алинь. В пади между редкими лиственницами и березами встречаются островки кустов лимонника и стланиковой кедровой сосны. В особенности поражает вид огромной по сравнению с другими деревьями единственной ели, из-за которой выбегает дорога к берегу Амура и идет дальше к станице Черняева.

Если же по этой дороге зайти за ель и по тропе пройти через распадок между двух холмов, то упрешься в тесаные ворота и частокол хутора Ермаковского, на котором когда-то проживала большая семья Алениных.

На большом дворе, огражденном бревенчатым тыном, стоит дом-пятистенок, смотрящий квадратными окнами в белых наличниках на полдень. К дому пристроен большой амбар, крытый двор, рядом высится овин, дальше летний загон для лошадей и конюшня. У окон дома разбит небольшой садик, в котором две вечнозеленые елки, игластая недотрога-боярка, воткнутые в квадратную гряду колья в хрупких колечках прошлогоднего хмеля. Только не видно на дворе ни коней, ни коров, ни иной живности, даже кур не видно, и овин стоит пустым. И будто бы на двор опустились тоска и безысходность.

На лавке рядом с крыльцом сидит крепкий кряжистый старик, упершись подбородком в костыль, зажатый между ног. Небольшой ветерок развевает седую бороду и седые волосы под облезлым козырьком старой фуражки. На изрезанном морщинами загорелом лице застыло отрешенное выражение, и только блестящие черные глаза выдают внутреннее напряжение старого казака Амурского казачьего войска – Аленина Афанасия Васильевича.

Знаменит казачий род Алениных, ведущий свое происхождение от алан и аорсов. Один Василий Тимофеевич Аленин-Ермак чего стоил. Ермак, или «Ырмаг», то есть «бьющий стремительный источник», «прорыв» или «неудержимый» – такое прозвище Василий Аленин получил за свою неудержимость в бою. Если бы он родился в Скандинавии, его бы точно признали берсерком.

Сильный был атаман. За услуги при взятии Казани, оказанные еще молодым Ермаком во главе отряда донских казаков в казачьем войске под общим командованием атамана Сусара Федорова, царь Иоанн Грозный пожаловал донскому казачеству навеки весь Тихий Дон со всеми его реками и притоками. Данная грамота до конца XVII века хранилась в соборе города Черкасска и была отобрана Петром Великим во время его похода под Азов.

А прозвище «Ермак» настолько прилипло к атаману, что в синодике Тобольской соборной церкви для поминовения казаков, погибших при завоевании Сибири, по повелению первого архиепископа Киприана был Василий Тимофеевич Аленин записан как Ермак сын Тимофеев.

Ермак – неудержимый, эта неудержимость и не позволила атаману отступить во время боя на ночевке в устье реки Вагай, когда Кучум напал на спящих казаков и истребил почти весь их отряд. Тогда Ермак, прикрывая своих побратимов-казаков, один бился против двух десятков врагов, многих их убил, но был сражен ударом копья в горло татарским батыром Кутугаем.

Посмотреть на тело мертвого атамана съехалось много знатных мурз, а также сам Кучум. Татары несколько дней стреляли в тело из луков и пировали, но, по словам очевидцев, тело Ермака пролежало на воздухе месяц и даже не начало разлагаться.

После смерти атамана его есаул Матвей Мещеряк собрал казачий круг, на котором казаки решили идти из Сибири к Волге обратно. С ними ушла первая и единственная походная жена-наложница Ермака, прекрасная Айгуль с сыном Тимофеем. Целомудрен был атаман и того же требовал от казаков в военном походе, но не устоял перед красотой и ласковостью захваченной в бою девушки. А после рождения сына признал ее своей женой.

Вернувшись на Волгу, казаки под предводительством Мещеряка поняли, что прежней вольницы не будет из-за построенной там крепости-поселения Самара, для недопущения разбоя на Волге вольными казаками, и решили уйти на восток. Хорошее место было на реке Яик рядом с устьем реки Илек, там и хотели устроиться казаки.

Но в октябре 1586 года на Яике прочитали царскую грамоту, в которой говорилось о том, что казакам обещано прощение всех проступков и они должны были вступить в отряд крымского царевича Мурат-Гирея, принявшего русскую сторону. Пункт сбора был в Астрахани, чтобы потом пойти оттуда войной на крымских татар, делавших набеги.

Атаман Матвей Мещеряк и еще сотня вольных казаков поддержали эту грамоту и пошли сначала в Самару. Потом отряд казаков вышел из Самары в Астрахань, где было известно об их прибытии, но в пути атамана Матвея Мещеряка и четверых товарищей-есаулов снова отозвали в Самару, где их арестовали. В марте 1587 года в Самаре, на главной городской площади, был повешен атаман Матвей Мещеряк и его товарищи. Остальные казаки, узнав об этом, решили вернуться на Дон. Так, Айгуль и сын Ермака Тимофей оказались на родине отца и мужа в одной из станиц рядом с Раздорским казачьим городком.

Не обидели казаки жену и сына своего атамана. Построили им дом в станице, прикупили живности, выделили добра из привезенного дувана. Так и пошла донская Аленинская ветвь от князя Сибирского Ермака Тимофеевича.

В 1824 году родился казак Аленин Афанасий сын Васильев – прапрапрапраправнук знаменитого атамана. Храбрый был казак. В 1849 году в составе 23-го Хрещатицкого донского казачьего полка в армии под командованием фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича – отпрыска Пасько, старшины в армии гетмана Богдана Хмельницкого – воевал Афанасий с народной армией венгров. За ту кампанию был награжден медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании», серебряной медалью «За храбрость» на георгиевской ленте и австрийской золотой медалью с изображением Франца Иосифа и надписью Der Tapferkeit («За храбрость»).

Не любил эти награды Афанасий, не считал их заслуженными. Будучи старшим казачьего разъезда, задержал адъютанта главнокомандующего войсками венгерской народной армии генерала Гергея. Данный генерал еще до вступления русской армии в Венгрию умышленно сорвал наступление венгров на Вену, а потом, после нескольких столкновений с русскими войсками, решил вступить в тайные переговоры с фельдмаршалом Паскевичем, для чего и отправил своего адъютанта на поиски русских войск.

На равнине, между местечком Заране и деревней Селлеш, венгерская народная армия по приказу Гергея потом сложила оружие. Гергей был «взят в плен» и там еще корчил из себя патриота. Но вскоре Паскевич передал его австрийскому императору Францу Иосифу, который за услуги правительству назначил ему пожизненную пенсию.

Не знал ничего об этом казак Афанасий Аленин, но душой чувствовал, что не по заслугам награды. Сначала австрийскую золотую висюльку вручили, а потом и нашу серебряную «За храбрость» пожаловали за тот случай, сказав, что за выдающуюся храбрость. А в чем храбрость, если этот венгр адъютант к ним как к родным кинулся: вот он я – берите меня в плен! Хотя когда он вернулся в родную станицу, то приятно было, когда станичники обсуждали его награды. Ни у кого больше в близлежащих станицах Войска Донского не было золотой австрийской награды.

А вот два Георгиевских креста, полученных за Крымскую войну, Афанасий любил. Первый крест, еще до мартовского царского указа от 1856 года, когда он

был разделен на четыре степени, урядник Афанасий Аленин получил за Чингильские высоты. Тогда донцы 23-го Хрещатицкого в составе Эриванского отряда барона Врангеля разгромили пятикратно превосходящего их противника. Страшная рубка была. Сотника и двух хорунжих турки убили в первые минуты боя, и старший урядник Аленин, взяв командование на себя, повел сотню на врага. Захватили два орудия и четыре знамени турок. При этом Афанасий лично на шашку взял трех знаменосцев и прислугу одного орудия.

Позже, в период наступления на Карс, донцы вновь отличились в сражении при Кюрюк-Даре, в ходе которого турки были полностью разбиты, захвачено 15 орудий, 26 знамен и 2 тысячи пленных. Прославился в том бою и Афанасий, только и ранение получил тяжелое в голову. Как доставили его в родную станицу, и не помнил. Выходила любимая жена. А через полтора года вручили старшему уряднику Афанасию Аленину догнавший его Георгиевский крест 3-й степени за Кюрюк-Дара.

Казалось бы, живи и радуйся. Заслуженный георгиевский кавалер, красавица жена, трое сыновей-крепышей. Но не мог Афанасий пройти мимо неправды, потому-то и не любило его войсковое начальство за правду-матку, что говорил им в глаза Аленин на казачьем круге. Не любили и богатые казаки родной станицы, которым Афанасий Васильевич постоянно говорил, что не дело наживаться на своих братьях-казаках, попавших в нужду. Поэтому, когда в 1857 году Афанасий Аленин был избран одним из уполномоченных на станичный круг для выборов нового атамана, богатые казаки потребовали созвать внеочередную сходку и добились на ней, чтобы Афанасия заменили другим человеком.

Это был жестокий удар, нанесенный самолюбию Афанасия Васильевича. Как оплеванный ушел он со станичной сходки, на которой принадлежали ему раньше лучшее место и первый голос. С тех пор не переступала его нога порога сборной избы. Даже на соседской завалинке, где собирались по праздникам казаки, не видели его целое лето.

А по осени, продав дом и скотину, выехала семья Алениных из родной станицы в далекое Забайкалье. Почти полгода добирались они до Читы, где должен был записаться Афанасий в 1-й русский полк Сибирского линейного казачьего войска. Но в Чите Аленин узнал о том, что формируется Амурское казачество для защиты границы с Китаем. А желающим служить на границе дают землицы много да подъемные хорошие. И присоединилась весной 1858 года семья Алениных к десяти, имеющим донские корни, семьям забайкальских казаков,

которым поручено было основать на реке Амур станицу Черняева, названную так в честь первого командира Амурской казачьей бригады – генерал-майора Георгия Федоровича Черняева, который был на момент командования бригадой войсковым старшиной.

В числе основателей станицы Черняева были семьи: Савиных, Шохиревых, Гусевских, Эповых, Луниных, Раздобреевых, Чупровых, Башуровых, Ананьевых, Чуевых, всего вместе с Алениными 43 взрослых человека. Семьи переселенцев долго готовились к отплытию: разбирали дома, стайки, зимовья. Бревна возили на берег, из них сколачивали плоты. На плотах настраивали навесы для защиты от непогоды, делали ящики для зерна, грузили скот, домашний скарб. Старались ничего не забыть – едут-то на голое место. Много сил и времени отнял сам сплав по реке. В указанном месте (две версты ниже теперешней станицы Черняева) плоты причалили к берегу. Чиновник, прибывший вместе с казаками, приказал на берегу Амура врыть столб и на него прибить дощечку с надписью «Станица Черняева». Дома сразу собирать не стали. Жилье решили устроить прямо в яру: вырыть яму и оборудовать ее в виде землянки. Противился этому только Афанасий Аленин, говоря, что затопит землянку в весенний паводок, напрасно труд казаков пропадет.

Не послушал назначенный атаман Черняевской станицы зауряд-хорунжий Савва Эпов предложений Аленина, и сделали забайкальские казаки по-своему. Землянка вместила все их десять семей, а Аленины ушли версты на три в сторону по Амуру и версты на две от реки, облюбовав для строительства жилья красивую зеленую падь с небольшим озером, которую из-за большого количества волков назвали Волчьей.

По весне жилища черняевских переселенцев затопил речной паводок, и вынуждены они были также перебраться по берегу Амура повыше, основав станицу Черняева верстах в двух от хутора Алениных. Не смог переступить через себя атаман Эпов, признав правоту казака Аленина. Из-за этого и стоял хутор Алениных наособицу от станицы, будто на выселках.

Но не горевал от этого Афанасий Васильевич. За два года построили Аленины дом большой с пристроями, обзавелись скотиной, распахали большой участок земли, вывели в пади всех волков. И все чаще стали пядь называть не Волчьей, а Зеленой. А постепенно другое название пошло – Ермаковская падь (это когда станичники узнали, от кого Аленины род свой ведут).

А в окружном и станичном сходе очень скоро занял Афанасий Васильевич почетное место, как георгиевский кавалер и опытный казак. Ни одни ежегодные выборы окружного атамана не обходились без его веского слова. И самого Аленина не один раз хотели выбрать окружным атаманом, только отказывался Афанасий Васильевич от такой чести. Не хотелось ему из своей пади в станицу перебираться. А что за атаман, который живет вне станицы.

Прекрасное время было. В трудах и заботах годы текли незаметно. Росла станица, все больше славился своим достатком Аленинский хутор. Не успели оглянуться, как стали три сына справными казаками. По праздникам шествовал Афанасий Васильевич в станичную церковь, всегда в окружении сыновей. По правую руку от него шел большак Василий, роста среднего, но широкий в плечах казачина, песенник и гармонист; по левую – степенно вышагивал черноволосый, как и все братья – Тимофей, лучший рубака в станице. И, замыкая шествие, ступая след в след отцу, высоко нес чубатую голову меньшак Иван, грамотей и отцовский любимец. Приятно было Афанасию Васильевичу пройти с такими молодцами по улице, людей посмотреть и себя показать. Да и было на что посмотреть – все четверо черноволосы (только у Афанасия, как серебро, седина в бороде да в волосах), черноглазые, нос с горбинкой, смуглые, крепкие, поджарые, с длинными ногами. Походка у всех легкая, скользящая.

Много казачек засматривалось на братьев Алениных. Старший Василий давно победил сердце одной из них. Хорошая сноха Катерина в дом Алениных пришла, здоровая, работящая, и внука Тимофея через год принесла, на радость деду, а через два года – внучку Алену. Средний и младший братья еще женихались. Ивану через год на первый срок службы идти, а Тимофей, уже отслуживший первый трехгодичный срок, подыскивал невесту.

Думал Афанасий Аленин в довольствии и спокойствии дожить до старости, но жизнь повернула по-своему. Сначала погиб на службе во время пограничного объезда младший любимец Иван. Не захотел служить писарем при штабе Амурского казачьего полка, хотелось ему схваток с хунхузами в пограничье, вот и нарвался в составе казачьего разъезда на шайку бандитов. Видимо, много было хунхузов, но дорого отдали свои жизни три казака. Вся поляна в крови была, где нашли раздетые, порубленные и пострелянные тела казаков. И больше крови там было пролито не казачьей, а бандитской. Да только вот тела своих убитых хунхузы унесли с собой. И неизвестно было, какой обмен жизнями произошел между казаками и варнаками.

А через год на охоте погиб средний сын Тимофей. Для свадьбы хотел пушнины набить на продажу, да нарвался на тигра-людоеда. От тела среднего сына почти ничего не осталось.

В том же году пережил Афанасий Васильевич еще одну утрату – смерть жены. Подкосили любимую смерти двух сыновей. Почернела, высохла, а после сороковин по Тимофею легла вечером спать и не проснулась.

Кроме горя по погибшим сыновьям и жене, пришли проблемы по хозяйству. Собирая на службу младшего Ивана, надо было справить строевого коня, оружие, обмундирование да амуницию, а это триста-четыреста рублей, в зависимости от того, чем платить – серебром или ассигнациями. Пришлось продать двух быков и почти весь урожай пшеницы. Большая прореха образовалась в хозяйстве Алениных. Иван погиб, а коня его, все личные вещи и оружие забрали хунхузы.

Когда из-за неурожая в следующем году подался на промысел пушнины с артелью Тимофей и погиб, то еще одного строевого коня семья потеряла – его тоже тигр задрал.

Потом пришло время Василию очередной трехгодичный срок служить. Из-за малого числа амурских казаков в самом начале становления Амурского войска из двенадцати лет службы в строевом разряде ходили казаки на службу в полк два раза по три года, а не четыре года, как в войске Донском. Остался Афанасий Васильевич с одной снохой на хозяйстве. Три года еле-еле сводили концы с концами. И только когда вернулся Василий со службы, семья Алениных вздохнула чуть свободнее. Но жить-то хотелось лучше, поэтому через два года после возвращения со службы Василия, зимой Афанасий Васильевич решил, что старший сын поедет на ярмарку в Благовещенск, чтобы продать лишнюю пшеницу, пушнину, солонину.

Кроме того, должен был Василий внести половинный залог в сто рублей за жеребца и кобылу башкирской породы для развода. Эти лошади и для хозяйства годны, и для строя их использовать можно.

Такие качества башкирской породы, как смелость и решительность, напористость и легкость в управлении, а также способность продолжительное время передвигаться резвым галопом и резвой рысью, что позволяло всаднику

эффективно вести прицельный огонь и рубить шашкой, были отмечены казаками еще во время Отечественной войны 1812 года. И должны были купцы большой табун таких лошадей в Благовещенск пригнать к лету, а пока задаток набирали у будущих покупателей.

За счет разведения этих неприхотливых и морозостойких лошадей хотели лет за пять свое хозяйство Аленины окончательно поправить, тем более что три кобылы, пусть и амурской породы, у них уже были. Собрав все что можно, да еще заняв денег у богатого станичного казака Ивана Савина, отправил Афанасий оставшегося сына Василия с женой Екатериной да их дочкой Аленкой на ярмарку, оставшись на хозяйстве с внуком Тимофеем.

А через несколько дней настигла Афанасия очередная черная весть. Весь обоз казаков, ехавших на Благовещенскую ярмарку от станиц Черняева, Кузнецова, Ушакова попал в засаду банды хунхузов рядом со станицей Ново-Кумарской. Большой обоз был, да бандитов, по словам выживших, более сотни оказалось. Соотношение сил было три-четыре варнака на одного казака. Отважно бились казаки и их жены с бандитами, да не судьба была всем выжить. Больше всего не повезло середине обоза, куда был направлен основной удар хунхузов, где и ехали на санях Аленины.

Со слов выжившего казака Прокопа Лопатина из соседней Кузнецовской станицы, Василий Аленин лично зарубил трех ватажников, а его жена Катерина двоих успела из винтаря положить, пока их не порубали хунхузы, набросившись со всех сторон.

Самому Прокопу чудом повезло вырваться. Он во время нападения был верхом на лошади, а не в санях с братом Северьяном, поэтому и смог даже раненым верхами уйти. Его же брата и всех казаков с их семьями в середине обоза убили.

Когда примчались вооруженные казаки из Ново-Кумарской станицы к месту боя, им осталось только разбирать раздетые трупы казаков, их жен и детей, да мертвых хунхузов, которых выжившие в нападении бандиты бросили, предварительно обобрав до нитки. А все остальное добро с бандитами караваном ушло через замерший Амур в горы Ильхурн-Алинь на территории Маньчжурии. Не успели казаки их догнать до границы и отомстить.

Похоронил Афанасий Васильевич последнего сына со снохой. А внучку Аленку нигде не нашли. Не было ее ни среди убитых, ни среди выживших, ни рядом с местом засады. Видимо, хунхузы с собой забрали для продажи в рабство. Не тешить же плоть с десятилетней девчушкой. Хотя всякое бывало. Но не хотелось деду об этом даже думать.

Так осталось семейство Алениных без головы. За всем приглядывать, со всем управляться пришлось Афанасию Васильевичу дальше вдвоем с двенадцатилетним внуком Тимофеем, первенцем Василия. Солоно им доставался этот догляд, а толку все равно не выходило. Известно, какая сила у стариков и сметка у ребятишек. Да еще долг пришлось Савину отдавать, аж семьдесят рублей, да еще проценты.

Крепкий хозяин – казак Савин Иван Митрофанович. У него и табун лошадей в три косяка по двадцать голов, и стадо коров количеством пятьдесят, и своя маслобойня, и две конно-канатных мельницы, и лавка торговая с трактиром в станице Черняева. От богатства своего стал Иван Митрофанович в рост деньги давать станичникам. И хоть процент небольшой накручивал, да много уже казаков к нему в кабалу да зависимость попало – то неурожай, то наводнение, то еще какая беда.

Вот и Афанасию Васильевичу пришлось за долг с процентами отдать последнего строевого коня, имеющихся в хозяйстве кобылку-трехлетку и корову, да еще кое-какого добра по мелочи. И остался георгиевский кавалер Афанасий Васильевич Аленин с почти пустым от живности двором и внуком на руках. Родни рядом никого.

Подумав, Афанасий Васильевич продал двух оставшихся быков, корову, купил для внука и себя двух молодых трехлеток амурской породы и пошел наниматься в пастухи к Савину. А что оставалось делать? Вспахать двадцать десятин Аленинской земли сил не было. Афанасию Васильевичу шел шестьдесят пятый год, не было уже былой силы в руках, а после свалившихся на голову смертей близких как-то разом разболелись старые раны. А с внука какой спрос в пахоте. Вот и остался один выход, идти в пастухи. Так вот и жили третий год.

Глава 2. Тимоха Аленин

Позавчера, в субботу, Афанасий Васильевич и Тимофей приехали домой на побывку: в бане помыться, припасов наготовить на неделю. Отдохнули, по дому прибрались и в ночь на понедельник решили отправляться на пастбище, но скрутило спину у старика Афанасия, да так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Еле с костылем по дому мог пройтись. Так и ускакал в ночь Тимоха на пастбище один. Сказал, что справится.

В полдень Афанасий Васильевич сидел на скамейке у дома, грея кости на солнышке, и смотрел через открытые ворота на дорогу, положив подбородок на рукоять костыля, зажатого между ног. Сидел и думал о внуке, о том, что с ним дальше делать, а то своего здоровья и жизни осталось очень немного.

– Эх, Тимоха, Тимоха, – вздохнул старый Афанасий. – Хороший казак растет. Нашей, Аленинской породы.

Тимофей, или пока еще Тимоха, рос крепким высоким парнем, имел черные, кудреватые волосы, продолговатое лицо, смуглое и пригожее, нос, как у всей Аленинской родни, с горбинкой, глаза черные, переходящие в темно-карие. После смерти родителей взор стал строгим и каким-то пронзительным.

Постоянная верховая езда на пастбище и ежедневные занятия под руководством деда по рукопашному и ножевому бою, рубке шашкой, джигитовке закалили тело подростка, которое казалось скрученным из жил и мышц. Не было у Тимохи и капли жира, все из-за занятий сгорело до грамма, да и питание не сказать чтобы было богатым.

– Что же мне с тобой делать, внучок! – вслух произнес старик, и его глаза наполнились влагой. – Совсем мне мало осталось.

Зимой еще Афанасий Васильевич разговаривал со станичным атаманом Селеверстовым Петром Никодимычем о возможности поступления внука в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт. Но до поступления еще четыре года, и на подготовку к экзаменам и на учебу деньги нужны.

– Эх-хе-хе… Грехи наши тяжкие! – вновь тяжело вздохнул старик. – Лишь бы освоил науки Тимоха. Умным растет, стервец. Все книги, оставшиеся от младшего сына Ивана, уже прочитал. Только хватит ли этих знаний?

В этот момент все еще острые глаза старого Аленина заметили вдали на дороге к хутору группу всадников, и его сердце тревожно заныло.

Когда всадники приблизились и стало видно, что между двумя лошадьми приторочены самодельные носилки, в которых лежало чье-то тело, от них отделился один конник и наметом поскакал к Аленинскому дому.

– Здрав будь, дядька Афанасий! – поприветствовал старика въехавший во двор окружной атаман Селеверстов. – Тимоху твоего хунхузы сильно побили, но жив пока.

Атаман соскочил с крепкого гнедого жеребца и, сняв фуражку, перекрестился:

– Сейчас доктор приедет, и за Марфой я послал.

– Что случилось? – с трудом поднялся с лавки Афанасий Васильевич.

– Тимоха твой, мой младший Ромка да Петруха Данилов погнали станичный войсковой табун и савинский косяк с Вороном на водопой к Амуру. – Селеверстов вытер ладонью пот с лица и надел фуражку.

– Не тяни, Никодимыч!

– Хунхузы! Будь они неладны! – сплюнул атаман. – Амур в этом году обмелел, вот они у Песчаной косы через остров Зориха и переправились верхами вплавь.

– Кто же их ждал-то! – махнул рукой Селеверстов. – Ведь ни разу рядом со станицей даже зимой не шалили. А тут, видимо, на табун, варнаки, позарились.

– Дальше-то что? – судорожно сжал в руке костыль Афанасий.

– Что? Что! Когда казачата увидели, что хунхузы через Амур переплывают, твой Тимоха кричит: «Заворачивай табун! В падь его гони!» Ну и погнали, а хунхузы, переправившись, за ними. Перед тем как в Соворовскую лощину спуститься, Тимоха опять кричит: «Гоните в станицу. Казаков поднимайте!» Тут выстрел, Ромка мой обернулся, глядит, а Тимоха из седла валится. Ну, они с Петрухой в станицу и припустились.

– Бросили, значит? – угрюмо произнес старый Аленин, сверкнув глазами.

– Да погоди ты, дядька Афанасий! – Атаман опять вытер пот, теперь рукавом рубахи. – Влетели Ромка с Петрухой в станицу с криком: «Караул, хунхузы!» Мы в набат. Кто в станице из казаков был – в ружье, на конь и к Соворовской лощине. Пока скакали, казаки гутарят, что поздно уже, увели хунхузы табун, придется за ним на ту сторону Амура идти.

– Да не тяни ты, Никодимыч! – взмолился Афанасий.

– Да… живой, живой твой Тимоха. Вона, привезли уже. – Селеверстов показал рукой на въезжающих на двор Алениных казаков.

Старый Аленин с трудом дошел до подвешенных между лошадей носилок, где лежал внук Тимофей, и невольно отпрянул. Вид у Тимохи был ужасен: порванная рубаха, шаровары, сапоги – все было в грязи и буквально залито кровью. Лицо и волосы молодого казака были покрыты буро-коричневой коркой. Лишь на голове да на правом предплечье белели повязки из холстины, также пропитанные кровью.

– Не бойся, дядька Афанасий. – Атаман неслышно подошел и положил старику руку на плечо. – Не его эта кровь. Легко, можно сказать, твой внук отделался.

– А чья кровь тогда? – повернув голову к атаману, спросил старик.

– Расскажу все, подожди. Сейчас казаки Тимоху в бане разденут, отмоют и в хату занесут. Давай быстрее, станичники! – повелительно гаркнул Селеверстов. – Шевелись!

Четверо казаков, спешившись, осторожно сняли носилки с телом Тимохи и понесли к бане Алениных. Еще двое бросились в дом за ведрами. Кто-то уже черпал воду из колодца, а мощного телосложения черноусый казак кинжалом щипал лучину для розжига банной печки.

В это время на двор въехала бричка, из которой вылез окружной фельдшер Иван Петрович Сычев. Что-то спросив у казаков во дворе, он быстрым шагом, с саквояжем в руке прошел в баню.

Старый Афанасий тяжело опустился на лавку у дома и, показав атаману Селеверстову, чтобы тот садился рядом, устало произнес:

– Ну, сказывай далее.

– Да что сказывать-то… – так же тяжело опустился на лавку атаман. – Непонятно все!

– Что непонятно?

– Да то. Получается, дядька Афанасий, что Тимоха-то твой двенадцать хунхузов на тот свет отправил.

– Как двенадцать? – Брови старика Аленина от удивления взлетели вверх.

– А не знаю, как! – Селеверстов поставил шашку между ног и оперся подбородком на ее эфес. – Последнего он у нас на глазах убил. – Атаман разгладил пальцами свои сивые усы. – Галопом влетаем с казаками в Соворовскую ложбину, там уже нет никого. Несемся дальше, к спуску к Амуру у острова, глядим – сверху на холме Тимоха стоит в таком вот виде: весь в кровище, а на него хунхуз верхами несется во весь опор, визжит и своей железякой китайской машет. А у Тимохи правая рука плетью висит, а в левой только кинжал.

Атаман замолчал. Старик Аленин напряженно ждал продолжения.

– Представляешь, дядька Афанасий, – Селеверстов развернулся всем телом к старому казаку, – на него китаец этот летит, да здоровый такой, как бы не больше нашего Митяя Широкого, а твой Тимоха стоит с одним кинжалом и ждет его спокойно.

– Петр Никодимыч, не тяни ты душу! Дальше рассказывай!

– Рубанул хунхуз Тимоху сверху наотмашь, тот попытался увернуться и прикрыться кинжалом. Все, думаю, нет больше Тимохи! Такой удар сам не знаю, отбил бы или нет, да и то шашкой, а не кинжалом.

Селеверстов задумчиво начал крутить кончик уса.

– Словом, хунхуз на нас выскочил. Мы только винтовки подняли. Раньше-то стрелять не могли, Тимоха варнака загораживал. – Атаман рубанул рукой. – Смотрим, а китаец с коня валится, и в спине у него кинжал торчит. Тимоха же постоял, постоял, покачнулся и упал.

Старик Аленин крепче сжал костыль обеими руками.

– Мы на холм наметом поднялись, – продолжил свой рассказ Петр Никодимыч, – глядим, Тимоха лежит, лицо кровью залито. Мишка Лунин с коня соскочил и к нему кинулся. «Жив!!! – кричит. – И голова целая!» Да давай рубаху на себе рвать и перевязывать голову Тимохе.

Селеверстов посмотрел в глаза Аленину.

– Я с остальными казаками стал с холма спускаться к Амуру, а там картина: у подножия холма два застреленных китайца. А еще дальше по берегу во всей красе еще девять мертвых бандитов. У половины головы прострелены. Трое еще почему-то поперек седла на лошадях лежат. Ну и наш табун почти полностью по берегу разбрелся.

– У Тимохи-то с утра, когда на пастбище уезжал, только четыре патрона к его берданке было, – сказал Афанасий, не отрывая удивленного взгляда от лица атамана.

– Собрали мы табун, Тимоху перевязали, чем смогли, на сделанные носилки положили, подвесили между лошадей да назад подались, – продолжил Селеверстов. – Я там урядника Башурова с двумя десятками казаков оставил, чтобы еще пошукали, посмотрели, на ту сторону Амура быстро сходили.

– А наказному атаману не доложат? – спросил Афанасий Васильевич. – Запретили нам на ту сторону в Маньчжурию ходить.

– Ничего, Наум Башуров казак опытный. Все по-тихому сделает. Следов не оставит. А вот и фельдшер!

– Что скажете, уважаемый Иван Петрович? – поднялся с лавки Селеверстов, а за ним с трудом встал и старый Аленин, с надеждой глядя на фельдшера.

– Все хорошо! – ответил Сычев, подходя к казакам. – На удивление хорошо. На правом боку касательное ранение от пули, прострелено правое плечо. Но иначе как чудом я это не назову! Плечевая кость не задета, артерия не задета, нервная связка не задета. Рука будет нормально работать. При этом если бы пуля прошла чуть-чуть левее, выше или ниже, и можно было бы с рукой проститься, а то и не довезли бы казаки Тимофея живым сюда. Кровью бы истек. В общем, везучий парень Тимоха! В плече-то и кость, и мышцы, и жилы тесно идут, не одно заденешь, так другое… А тут так повезло!!! Что еще? На голове сильный ушиб височной области с левой стороны и рассечение кожи.

Фельдшер поставил саквояж на землю, достал из сюртука коробку папиросок и, закурив, продолжил:

– Через месяц или два будет как огурчик, шрам только над левой бровью останется, да правую руку, после того как дырка зарастет, надо будет еще с месяц-другой поберечь.

– Он уже пришел в себя? – с затаенной радостью спросил старый Афанасий.

– Пока нет. Контузия от удара по голове у него сильная и кровопотеря большая. Так что покой и пока только питье с лекарствами, которые я оставил. Потом бульона можно дать будет. – Сычев загасил папироску. – Завтра приеду, сменю повязки. Если вдруг его вырвет, Афанасий Васильевич, не пугайтесь. Такое бывает после сильного удара по голове. Счастливо оставаться! – И доктор направился к бричке.

– А как же оплата? – вдогонку крикнул старый Афанасий.

– Потом, все потом, – ответил Сычев, усевшись в бричку и направляя ее в ворота, и выехал со двора Алениных, где чуть не столкнулся с въезжающей телегой, запряженной небольшой кобылой, которой правила красивая, черноволосая женщина лет тридцати.

– Вот и Марфа приехала! – Поправив фуражку, Селеверстов пошел навстречу.

– Здравствуй, атаман, – спрыгнув с телеги, поздоровалась красавица. – Сто лет прожить вам, Афанасий Васильевич.

– Здравствуй, Марфа, – хором поздоровались с ней казаки.

– Зачем звал, атаман? – спросила Марфа, глядя на Селеверстова иссиня-черными глазами.

– Понимаешь, Марфа, – потеребил усы станичный атаман, не отводя глаз от взгляда женщины, – непонятно мне…

– Что непонятно?

– Непонятно, как мог четырнадцатилетний казачонок, даже не малолетка, двенадцать вооруженных варнаков извести.

– Чего-то боишься, Никодимыч? – спросил, подковыляв, Афанасий.

– Не знаю. Пусть Марфа Тимофея посмотрит. Она ведунья сильная, душу видит. Пусть посмотрит! Мало ли чего!

Прервав разговор, к стоявшим казакам и женщине на взмыленном жеребце подлетел казак с лычками младшего урядника на погонах и, свесившись с седла к атаману, негромко проговорил:

– Господин атаман, на берегу острова Зориха обнаружено двадцать наших коней, четыре мертвых вооруженных китайца и их лошади. Китайцы все убиты из винтаря. Всех лошадок перегнали на нашу сторону. С китайцев все собрали.

Конь под урядником начал играть, перебирая ногами.

– Да сойди ты с коня, Башуров, и доложи подробно, – похлопывая жеребца по морде, сказал Селеверстов.

Наум Башуров, соскользнув с коня и взяв его под уздцы, продолжил:

– В овраге, что вправо от Амура перед Соворовской лощиной уходит, нашли еще пятерых мертвых хунхузов и их лошадей. Двое убиты кинжалом со спины в сердце одним ударом, а у троих глотки от уха до уха перерезаны.

– Да… дела! – Атаман озадачено сдвинул фуражку с желтым околышем на затылок, а старый Афанасий застыл столбом.

– Еще что нашли? – спросил Селеверстов.

– У хунхузов зарезанных, которые вооружены были винтовками Бердана, подсумки для патронов пустые, – продолжил доклад урядник. – Варнаков на острове Зориха положили с нашей стороны. Нашли лежку Тимохи, откуда он сделал, судя по гильзам, четыре выстрела.

– Что скажешь, Афанасий? – повернулся атаман к старому Аленину. – Смог бы твой внук за двести-триста шагов четырьмя выстрелами попасть в четверых скачущих всадников? И не просто попасть, но и убить?

– Не знаю, Петр Никодимыч, – с сомнением покачал головой старый казак. – Стреляет Тимоха хорошо, но чтобы так… И прирезать пятерых варнаков, да еще таким образом… Не знаю.

– Ага, прирезали варнаков знатно, ни один и пикнуть не успел. Мы их по оврагу шагах в ста друг от друга нашли, кроме двух последних, которых, видимо, одновременно зарезали, причем одному башку почти напрочь снесли. А предупредить друг друга они не успели! – встрял в разговор Башуров.

– Урядник, чьи-то еще следы были?

– Никак нет, господин атаман, – вытянулся в струнку Башуров. – Только следы Тимохи Аленина. Нашли место, где он перевязку делал, там же и двух зарезанных хунхузов. Лежку на берегу, где он по бандитам на острове стрелял, и на холме позицию, рядом с которой нашли его ножны от кинжала, ремень и пустую китайскую сумку для патронов. Там же недалеко и карабин Тимохин нашли. Стреляли из него, судя по нагару в стволе, много. А на вершине холма, где Тимоха последнего варнака кинжалом убил, в траве револьвер нашли.

– Одно непонятно, как он столько варнаков смог завалить! – Башуров задумчиво почесал голову под фуражкой. – Мы с казаками обсуждали: ни один из нас не смог бы такого сделать.

– Вот и мне непонятно! – Селеверстов внимательно оглядел стоящих перед ним казаков и женщину. – Как мне наказному атаману докладывать: «Ваше превосходительство, у нас хунхузы на днях хотели станичный войсковой табун лошадей угнать, да только четырнадцатилетний Тимоха Аленин взял да и убил их один всех. Да чего там, ваше превосходительство, их был-то всего двадцать один варнак. Для наших казачат это все равно что стакан молока выпить».

– Ладно, – махнул рукой атаман, – об этом позже будем думать. Марфа, ты иди Тимоху смотри, мы с Наумом пока еще переговорим, а ты, Афанасий Васильевич, иди, присядь пока на лавочку.

Сказав все это, атаман с урядником отошли в сторону и стали что-то негромко обсуждать.

– Не волнуйся, Афанасий Васильевич. – Марфа положила старику руку на плечо. – Все будет хорошо. Я чувствую.

Погладив старого Аленина по плечу, знахарка и ведунья легкой походкой пошла в дом, куда уже перенесли раненого Тимофея.

Афанасий с трудом доковылял до лавки, кряхтя, опустился на нее и застыл, глядя пустыми глазами куда-то вдаль.

Селеверстов, переговорив с урядником, пошел по двору, останавливаясь по очереди и разговаривая о чем-то с казаками, находящимися на подворье Алениных. Поговорив со всеми, он вернулся к старику Аленину и, присев рядом с ним на лавку, тихо произнес:

– Вот что, дядька Афанасий, я переговорил с казаками, и мы решили, что из захваченной добычи утаим трех лучших лошадей с полной сбруей и три хороших винтаря с патронами. Все это пойдет тебе и Тимохе. – Атаман поднял руку, предупреждая возражения Аленина. – Пойми, дядька Афанасий, твой внук наш станичный войсковой табун спас. Сколько бы казаков в станице могло без строевого коня остаться. Да что кони, Тимоха моего Ромку да Дмитра Данилова

сына, Петруху, от верной смерти спас. За что всю оставшуюся жизнь буду за Тимофея твоего молиться. Кроме того, мы со станичниками решили, что всю премию за хунхузов и за их снаряжение, что начальство в Благовещенске даст, тебе отдать для Тимохи. Ему деньги понадобятся, если сможет в Иркутское училище поступить. Да вам и сейчас деньги не помешают.

Афанасий Васильевич из-под густых седых бровей внимательно посмотрел на атамана.

– Да, дядька Афанасий. Завтра повезем в Благовещенск захваченное у хунхузов оружие, амуницию и их лошадей погоним для доклада. – Селеверстов поднялся, надел фуражку. – Там я с наказным атаманом о Тимохе и поговорю. Все равно докладывать о том, как он отличился. Может быть, под этот случай и вопрос о его поступлении в училище решим.

Атаман направился к своему жеребцу.

– Дядька Афанасий, я твоих коней и тех, которых отберем для тебя, пока у себя оставлю, а вечером Ромку пришлю для помощи. Он и поснедать тебе привезет, и бульон куриный для Тимохи.

– Спасибо тебе за все, Петр Никодимыч! – Старый казак поднялся с лавки и склонил голову.

– Тимохе твоему за все спасибо.

Селеверстов поклонился, затем перебросил повод на шею коню и легко, не касаясь стремян, вскочил в седло, будто и не шестой десяток шел атаману.

На выход со двора за атаманом потянулись верхами остальные казаки, ведя в поводу несколько заводных лошадей. Из дома вышла Марфа и подошла к Аленину.

– Что скажешь, Марфа?

– Не знаю, что и сказать, Афанасий Васильевич. – Женщина на несколько секунд задумалась. – Показалось мне вначале, когда Тимофея разбудила, что смотрит

на меня старик. Только я попыталась вглядеться в него, как он как будто бы в скорлупу спрятался, а потом уже твой внук появился.

– Как он? – Старый Аленин подался ближе к ведунье.

– Не помнит ничего. Говорит, что когда погнали табун в падь, услышал выстрел, что-то ударило в бок, и он слетел с коня, ударился головой, и все. – Марфа покачала головой. – Не знаю, что и думать, Афанасий Васильевич. Казаки-то с атаманом говорили, что Тимофей всех хунхузов убил. Других следов не было. А он не помнит ничего.

Афанасий Васильевич пригладил ладонью свою седую бороду.

– А ты что думаешь? Все знают, что ведунья ты сильная и знахарка знатная.

– Не знаю, не сталкивалась я с таким. И бабка, что учила меня, тоже не сталкивалась. А вот ее бабушка, моя прапрабабушка, говорила, что был у нее случай, когда в одном теле как бы два разных человека жили.

– И что делать?

– Не знаю. Смотреть буду. А может быть, тот другой, что не Тимофей, появляется только в минуты смертельной опасности для них обоих? – Знахарка ласково улыбнулась старику. – По сути, он же спас Тимофея, да и убить варнаков столько – это каким же воином справным надо быть?

– Да… – продолжая оглаживать бороду, протянул Аленин. – Уж насколько я в молодости был умелым казаком, но такого количества ворогов точно бы не одолел. Так что мне делать, Марфа?

– А ничего! Живите, Афанасий Васильевич, как жили. Внука выхаживайте от ранений. А я наезжать буду, смотреть. Может быть, что и прояснится.

Женщина приобняла старика.

– Все хорошо будет, дядя Афанасий. Тимоха жив. Молодой. На поправку быстро пойдет. Да может, и ошиблась я, привиделся мне взор старика. Ладно, поехала я

в станицу.

Марфа подошла к телеге, села в нее и, понукая лошадь вожжами, стала разворачивать телегу для выезда со двора.

– Прощевай, дядя Афанасий! – задорно улыбнулась она, показав ровные белоснежные зубы. – Завтра ближе к обеду подъеду, посмотрю, что там дохтур наш намудрит.

Затрусила кобылка, и телега, поднимая пыль, покатила со двора. Сидевшая в ней женщина прощально махнула старому Аленину рукой.

Афанасий Васильевич немного постоял во дворе, провожая взглядом уезжающую знахарку, затем потихоньку пошел к дому. С трудом поднявшись на крыльцо, старый казак зашел в сени и медленно проковылял в горницу, где на кровати лежал забинтованный внук.

Склонившись над Тимофеем, дед осторожно погладил его черные вихры волос, торчавшие из-под перевязочной ткани. Как будто почувствовав это, Тимофей открыл глаза.

– Деда, все хорошо?

– Хорошо, внучек. Все хорошо, Тимоха! – по загрубелому лицу из глаз старого казака, теряясь в бороде, потекли слезы.

Глава 3. Гвардии подполковник Тимофей Аленин

Пока внук общается с дедом, подумаем о том, что же случилось. Для начала позвольте представиться – гвардии подполковник запаса Тимофей Васильевич Аленин – полный тезка молодого Аленина, в тело которого занесло мою грешную душу, сознание, матрицу или еще что-то, не знаю, как это назвать. Но ощущаю я себя в этом теле почти нормально: думается легко, Тимоха мне не мешает, да и телом его, как убедили утренние события, тоже управлял нормально. Хорошее, сильное и развитое тело у паренька. Разве растяжки, резкости, выносливости не

хватает, но это дело наживное. Но обо всем по порядку.

Родился я в 1963 году в семье военного в городе Благовещенске. Учился так себе, но спортом занимался усиленно. К окончанию школы выполнил норматив КМС по биатлону. Очень хотел поступить в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты, но не прошел по баллам. Завалил русский язык. Не могу писать сочинения – не Лев Толстой я, к сожалению. Поэтому вместо военного училища попал в армию, как думал сначала, обычным «пехотным Ваней». Но все оказалось намного интереснее.

Из военкомата с «покупателем» – молодым старшим лейтенантом с пехотными петлицами – я и еще двое ребят на самолете совершили перелет через всю страну из Благовещенска до Великого Новгорода. Потом на уазике нас отвезли куда-то под Псков, в летние лагеря, где и выяснилось, что пехотные петлицы старшего лейтенанта – это маскировка, а служить я буду в каком-то спецназе, хотя форма солдат и офицеров в учебке была десантных войск.

И прослужил я в войсках специального назначения двадцать три года с хвостиком, не считая учебы в военном училище. После полугода обучения в учебке, где получил специальность минера, почти год службы в Афганистане в 177-м отдельном отряде спецназа, в составе 22-й бригады СпН. В данное подразделение получил распределение из-за своей внешности. Вылитый пуштун, не раз потом подкалывали меня ребята в отряде.

За Афганистан получил медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной звезды, позывной «Ермак», славу хорошего минера и снайпера.

В отряде, как КМСу по биатлону, после пробных стрельб вручили СВД и поставили сначала в пару к основному снайперу. Вскоре стал штатным снайпером. Потом был бой, во время которого получил два ранения: в голову и правую руку.

«Почти как сейчас, – подумал я и попытался повернуть голову и пошевелить рукой, благо дед Афанасий уже из горницы ушел, и никого рядом не было. – Терпимо. Боли почти нет. Интересно – тогда в Афгане кожу на голове осколком мины рассекло и пулю в плечо от снайпера моджахеда в одном бою получил, и сейчас – пулю в руку и китайским мечом по голове. Тенденция, однако!»

После госпиталя в Ташкенте и отпуска по ранению до моего дембеля оставалось около четырех месяцев, когда неожиданно даже для себя я взял и написал рапорт с просьбой отправить меня поступать в рязанское десантное училище.

Батя – командир 177-го ооСпН – майор Керимбаев рапорту ход дал и характеристику взводного подписал, в которой тот столько хорошего изложил, что хоть памятник из меня делай. Потом учебные сборы на базе Самаркандского автомобильного училища, где попал в роту поступавших в десантное училище. Сдача физо и медкомиссия. Ее, несмотря на ранения, слава богу, прошел. Награждение орденом освободило от сдачи вступительных экзаменов. Затем абитура в ЗУЦе под Рязанью, и я – курсант РВВДКУ.

Четыре года обучения в спецбатальоне в отделении спецназа, красный диплом, лейтенантские погоны, право выбора места службы и 173-й ооСпН в родной 22-й бригаде спецназа, которая базировалась уже в Азербайджане.

А затем поддержание конституционного порядка в Баку, Нагорный Карабах, осетино-ингушский конфликт, две чеченских кампании, парочка загранкомандировок, грузинский конфликт и заслуженный дембель в 2009 году. Мог бы и дальше служить, но надоело смотреть, как армию лишают последних боевых подразделений. Лучше бы Табуреткин продолжал мебелью торговать, а не министерством обороны руководить! Хотя на вооружении больше заработаешь.

Выслуги, да еще со льготами, было уже по самое не могу – вот и ушел. С жильем проблем не было: от родителей после их переезда в Краснодарский край трехкомнатная квартира в Благовещенске осталась, и от деда – крепкое подворье в Ермаковской пади на Амуре, где я и проживал постоянно последние годы.

Сбежал я из Благовещенска, где очень часто приглашали на торжественные мероприятия в качестве почетного гостя или «новогодней елки». К наградам за афган еще два ордена Мужества добавились и Звезда Героя России за операцию в Первомайске против банды Радуева. А если добавить юбилейные медали, за выслугу и кучу всяких знаков за Чечню, то иконостас на парадном мундире значительный получался. Вот и «работал» в администрации города «почетным жителем», пока не надело. Уехал в дедов дом, подремонтировал его и зажил спокойной жизнью пенсионера. Пенсии и надбавки за Героя России хватало с избытком, лес обеспечивал дичью и другими дарами, Амур – рыбой, спутниковая

тарелка с модемом давала связь с миром через Интернет и телевидение. Так и жил бобылем.

Были в свое время две жены, да не выдержали они постоянного ожидания мужа с боевых выходов, которые иногда длились по полгода. Детей в обоих браках не нажил. Осталось одиночество, но оно постепенно стало нравиться. В последнее время пристрастился к чтению книг, особенно по альтернативной истории с «попаданцами», благо в электронном виде таких произведений в инете можно было найти множество. Подумывал свои мемуары засесть писать, но все оборвалось летним утром 2018 года. Выбежал, как обычно, с утра в лес на зарядку, увидел яркий шар в небе. Успел подумать: «Все же пиндосы ударили ядерным оружием!» Нестерпимый жар и темнота.

Очнулся и не пойму, где нахожусь. Лежу на спине в траве, раскинув руки, голова разваливается, в правом боку сильная боль. Слышен топот множества конских копыт, будто табун от меня удаляется. Попытался сесть – удалось, но не могу понять, что не так. Увидел свои ноги в сапогах и в синих шароварах с желтыми лампасами, затем поднес руки к глазам.

– Н-да… Приплыли! – вслух произнес я и не узнал собственного голоса. Это был ломающийся басок молодого парня. И руки, и ноги, и все остальное тело также принадлежало крепкому жилистому парню лет шестнадцати-восемнадцати.

– Глюки?! – тихо сказал я, но боль в голове и боку была уж больно реальной.

Скосив взгляд вправо и вниз, увидел на залитой кровью серо-белой холстинной рубахе входное и выходное пулевые отверстия. Прижал правую руку к боку и невольно дернулся от прострелившей меня боли.

– Похоже, по касательной зацепило, – прошипел я сквозь зубы и сильнее прижал ладонь к ране.

Боль не усилилась, значит, ребра целые. Это уже хорошо! Но рассмотреть более подробно рану не удалось, так как внимание переключилось на приближающиеся конский топот и крики. Повернув голову, увидел, что где-то в километре от меня в мою сторону во весь опор несется пятнадцать-двадцать всадников, одетых во что-то непонятное, с какими-то веревками за головами. Некоторые чем-то крутили одной рукой над собой, а кто-то держал в руках

предметы, издалека похожие на палки или ружья.

Индикатор опасности в голове забил во все колокола. Я вскочил на ноги, покачнулся из-за боли в боку и закружившейся головы, но, сжав зубы, заставил себя оглядеться вокруг.

Слева от меня метрах в тридцати начинался глубокий, широкий и длинный овраг с высокой травой, склоны которого поросли кустарником и деревьями. Вдали овраг пропадал в лесу. Прямо на меня, уже где-то в метрах восьмистах, по ровному полю скакали всадники. Справа высился холм, а за мной тянулась к лесу широкая лощина с густой травой и мелкими кустарниками.

В лощине останавливал бег, переходя с рыси на шаг, большой конский табун голов в сто или в сто пятьдесят. От табуна отделились два всадника и, нахлестывая лошадей, во весь опор понеслись к виднеющейся вдали дороге, уходящей в лес.

– Ромка и Петруха в станицу поскакали, казаков поднимать, – прозвучало в моей или не моей голове.

– Ты кто? – мысленно спросил я оппонента.

– Тимоха Аленин из Ермаковской пади, – получил такой же мысленный ответ.

– Какой сейчас год?

– Лето одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года.

– А это что за всадники?

– Хунхузы! Конец нам пришел!!!

В голове и по всему телу прокатилась волна страха и ужаса, от которой дыбом встали все волосы на теле.

– Так, Тимоха, спокойно. Я тоже Аленин и тоже Тимофей. Офицер спецназа. – Я задержал дыхание, чтобы новое тело получило выброс адреналина. – Не

паниковать и мне не мешать. Затаись где-нибудь и не лезь в руководство телом.

– А вы взаправду офицер, ваше благородие?

– Взаправду, Тимоха, взаправду. Оружие у тебя было какое-нибудь?

– Кинжал дедов был за поясом, карабин Бердана был в руках, когда в бок что-то ударило, и я упал с коня. И еще к берданке четыре патрона в кармане шаровар было.

– Уже хорошо!

Я сделал несколько шагов навстречу всадникам и увидел в траве кавказский кинжал кама с красиво отделанной рукоятью и в шикарных ножнах, а чуть далее лежало короткое однозарядное ружье.

«Надо же, какой раритет! Кавалерийский карабин Бердана-Сафонова 1871 года! Жалко, что однозарядка. А кинжал – вещь!» – эти мысли я додумывал уже на бегу к оврагу, куда припустил, взяв в руки карабин и кинжал, так как расстояние между мной и всадниками стремительно сокращалось.

Несмотря на боль в боку и небольшое головокружение, до оврага я буквально долетел, а не добежал. Оглянулся. В мою сторону от группы хунхузов отделилось три всадника, а остальные, обтекая склон холма, скакали к табуну. «Ромку и Петруху им уже вряд ли достать, – подумал я, – но подстрахуем ребят».

Зарядив карабин и зажав в зубах еще два патрона, я произвел, как можно быстрее перезаряжая карабин, три выстрела. Три всадника, направлявшихся в мою сторону, упали с коней. Первого снял метров со ста пятидесяти, последнего метрах в двадцати от себя, сразив его в голову. Это был мой профессиональный стиль или почерк – всегда, начиная с Афгана, если стрелял на поражение, то только в голову. Хотя в учебке инструктор учил нас: «Никогда не цельтесь в голову! Она маленькая и твердая. Цельтесь в корпус: он большой и мягкий!» Видимо, чувство противоречия мнению начальства было во мне всегда сильно развито.

«Минус три!» – подумал я и увидел, как по команде высокого китайца с выбритым лбом и толстой длинной косой сзади (вот и веревка) пять всадников развернулись и поскакали в мою сторону.

«Встретим и вас, ребята!» – зарядив последним патроном карабин, я стал спускаться в овраг, стремясь как можно быстрее добраться до его заросшей внизу деревьями части.

Добежав до деревьев, я обернулся и увидел, что пятерка хунхузов попыталась спуститься в овраг верхом, но потом спешилась и стала осторожно двигаться вниз по склону, оставив коней на краю оврага.

«Отлично! – подумал я. – Теперь есть время, чтобы заняться раной и обдумать, что делать дальше».

Углубившись в лес, я сначала умышленно оставлял как можно больше своих следов, и где только можно, направляя погоню в глубину оврага, поросшую лесом. Найдя метров через пятьсот небольшой ручеек, который струился из небольшого родника, я снял с себя рубаху и, отрезав три полосы, сделал себе перевязку раны на боку. То, что осталось от рубашки, измазал в глине и грязи, которые были на дне ручья, и натянул ее на себя.

«Надеюсь, столбняк не схвачу», – думал я, замазывая грязью лицо и желтые лампасы на синих шароварах. Затем, нарвав виноградных листьев со стеблями, обмотал ими предплечья, шею и голову.

– Что ты делаешь? – мысленный вопрос Тимохи застал меня врасплох, я уже забыл, что нахожусь в чужом теле. – Ты так здорово стреляешь!

– Маскируюсь. А стрелять приходилось часто, – мысленно ответил я напарнику по телу. – Тимоха, ты сейчас опять где-нибудь спрячься и не мешай мне. Я буду делать очень неприятные вещи.

– Какие?

– Резать буду хунхузов, а то патрон только один остался.

– А ты сможешь? – По телу прошла неконтролируемая дрожь.

– Смогу, Тимоха. Еще как смогу. Иногда мне казалось в прошлой жизни, что зарезать для меня человека куда проще, чем какую-то иную божью тварь, типа курицы. Все, Тимоха, не мешай!

Сказав мысленно эти слова, я оставил карабин за приметным валуном у ручья и осторожно, от ствола к стволу, пошел, забирая вверх, по склону оврага навстречу своим противникам. Пройдя вперед метров двести, я остановился и залег за стволом упавшего от времени дерева. По моим расчетам бандиты должны были появиться через пару минут.

Чутье не обмануло меня. Буквально через минуту на дне оврага из-за деревьев показался первый китаец. В руках он держал винтовку Бердана и шел, внимательно осматриваясь по сторонам. Шел точно по моему следу. Буквально через несколько секунд за ним появился еще один бандит, одетый в такое же непередаваемое рванье, как и первый, и в руках у него тоже была винтовка Бердана.

«Отлично! – подумал я. – Вот и боекомплект мой идет. Где же остальные?»

Рядом с собой я услышал звук осыпавшейся земли. Скосив глаза в сторону по стволу упавшего дерева, за которым прятался, я увидел еще двух хунхузов, которые шли по склону оврага, огибая деревья.

«Грамотно страхуют нижнюю пару. – Я вжался лицом в ствол дерева и застыл. – Надеюсь, сойду за валун или пенек, тем более идет эта пара ниже меня метров на десять и вверх не смотрит. Не должны заметить».

Через некоторое время, которое показалось вечностью, шаги бандитов затихли где-то впереди, куда их вели мои специально оставленные следы.

Идут парами, для меня это плохо. Выглянув из-за ствола, я искал, где же пятый из разбойников. Обнаружить его удалось с трудом на противоположной стороне оврага, по которой китаец пробирался между деревьями и кустарниками.

Достав кинжал из ножен и измазав его землей, я осторожно двинулся за парой бандитов, которая шла по моей стороне оврага. «Как в старые добрые времена! – думал я, скользя между деревьев. – Ничего почти не болит: небольшая боль в боку от раны не в счет. Каждая мышца тела звенит. Лепота!»

Вскоре представился удобный момент для первой атаки. Один из китайцев в первой паре отстал, присев на корточки, что-то внимательно рассматривая между деревьев впереди.

«Очень хорошо», – подумал я, одним прыжком преодолел оставшиеся до бандита метры и всадил клинок под левую лопатку, проворачивая его. Этот удар был поставлен мне еще в Псковской учебке. При точном исполнении противник мгновенно теряет сознание, не издавая звука, поскольку происходит мощный выброс крови внутри тела, и через короткий промежуток времени наступает летальный исход.

Хунхуз завалился вперед, одна нога пару раз конвульсивно дернулась. Я резко выдернул кинжал и перевернул китайца на спину, быстро осматривая его снаряжение. «Хреново, ничего для дела нет! – еще раз ощупывая ту рванину, в которую был одет бандит, думал я. – Ружье, блин, карамультук какой-то, патроны к берданке точно не подойдут, тесак из дерьмового железа. Хорошо хоть, счет пополнился – минус четыре!»

Второго из этой пары бандитов удалось снять так же легко. Он стоял, прислонившись правым плечом к дереву, дожидаясь своего партнера по двойке. Бандит обладал отменным слухом, потому что услышал, как я подкрадываюсь к нему, но даже не повернул головы, видимо, приняв меня за своего отставшего напарника. Удар кинжалом под левую лопатку, поворот клинка, и его вопрос, который он задал тихим голосом, остался без ответа. Что спросил китаец, я не узнаю никогда. В прошлой жизни знал английский, немецкий, пушту, фарси и немного чеченский.

К сожалению, и у этого хунхуза для моих дальнейших боевых действий ничего полезного не было. Какое-то старинное ружье, причем такое грязное от нагара в стволе, что стрелять из него, по моему мнению, было просто опасно. Из холодняка на бандите тоже ничего хорошего не оказалось, поэтому за следующим хунхузом я отправился вооруженный все так же одним кинжалом.

Быстро перебравшись на другую сторону оврага, я, как мне казалось, неслышно устремился за тем одним китайцем, который прикрывал нижнюю двойку бандитов, идущих по моему следу. Но это я думал, что продвигаюсь быстро и неслышно, как это умел раньше. Новое тело не имело, к сожалению, тех навыков и умений, и мышцы не так работали, поэтому для меня стало полной неожиданностью, когда из-за дерева возник, как из ниоткуда, моего роста китаец и с каким-то шипением ткнул в мою сторону чем-то похожим на саблю.

Мое тело сработало на автомате. Резко присев, отводя руку бандита с саблей своим левым предплечьем вверх, я правой рукой с кинжалом ударил снизу вверх. Противник, не ожидавший от меня такой прыти, провалился в выпаде и напоролся шеей на мой кинжал, который вскрыл ее от уха до уха. Фонтан крови из распоротой шеи бандита окатил меня с ног до головы.

«Теперь я точно похож на обожравшегося вурдалака», – выпрямляясь и делая шаг в сторону от падающего на меня мертвого хунхуза, подумал я.

В этот момент в моей голове раздался возглас:

– А-а-а!!! – и будто на секунду выключился свет в глазах.

Так… Тимоха вырубился.

Я стер ладонью кровь с лица. Самого меня также ощутимо потряхивало. Все-таки в последний раз вот так лицом к лицу и на ножах в той жизни сходился во второй Чеченской кампании, почти двадцать с лишним лет назад. «Или сто с лишним лет вперед, – нервно хохотнул про себя я. – Все. Собрались! Работаем!»

Осматривая убитого китайца или маньчжура, судя по имеющейся косе, я обратил внимание, что одет он был, в отличие от первой пары зарезанных бандитов, в целый и относительно чистый халат, хорошие штаны и сапоги. Лоб его был выбрит, а волосы сзади были заплетены в длинную косу. Холодное оружие у этого хунхуза тоже было на высоте. В руке он продолжал сжимать хороший клинок. Разжав пальцы у мертвого маньчжура, я вынул из его еще теплой ладони саблю и, примерившись к удобному эфесу, взмахнул клинком перед собой крест-накрест. Сабля рассекла со свистом воздух, а тело будто бы запросило дальнейших движений.

«Значит, Тимоха хорошо работает с шашкой, – рассматривая более внимательно саблю, думал я. – У меня таких навыков и отработанных движений по фехтованию саблей не было. А сабля все же более похожа на китайский меч “Люйе Дао”, хотя могу и ошибаться, в китайском холодном оружии я разбираюсь плохо. Но клинок хорош: отличная балансировка, хорошая сталь и заточка. Кстати, где-то и винтовка должна быть».

Зайдя за дерево, из-за которого выскочил китаец, я обнаружил там аккуратно прислоненное к стволу оружие. Взяв его, с удивлением обнаружил, что держу в руках восьмизарядную винтовку Маузера 71/84. Передернув затвор несколько раз, вынул из винтовки три патрона. Вернулся к мертвому китайцу, обыскал его, но патронов больше не нашел.

«Они что, без патронов в набег ходят?!» – рассматривая на просвет чистоту ствола, думал я. Но потом вспомнил, что в это время покупка оружия и боеприпасов обходилась хунхузам столь недешево, что винтовочные патроны иностранного производства, к примеру, именовались на бандитском жаргоне даянами («серебряными долларами»). А уж к Маузеру 71/84 цены на патроны должны были быть вообще запредельными. Такие винтовки в Европе только три-четыре года назад появились. И путь такой магазинной винтовки из Германии в Маньчжурию должен был быть очень дорогим.

«Жаль… – подумал я. – Винтовка замечательная, но к ней только три патрона, а от берданок к ней патроны не походят. Не тот калибр: у маузера – одиннадцать миллиметров, а у берданки – десять семьдесят пять. Ладно, потом ее заберу, а то жаба задушит, все-таки одна из первых магазинных винтовок в мире. Раритет!»

Поставив винтовку назад к дереву, я снял с китайца ножны от меча, надел их на себя и как-то молодцевато вложил в них клинок. Потом, взяв в правую руку кинжал и еще раз внимательно оглядев место последней схватки, отправился за последними двумя китайцами, которых определил как свой ходячий боекомплект.

Их я нашел на том месте у ручья, где делал перевязку. Они стояли у камня, на котором я сидел, и что-то внимательно рассматривали на земле, при этом один из них держал в руках свою винтовку и мой карабин, который я спрятал за камнями.

«Лучшего случая не будет!» – подумал я и, прыжком из кустов пролетев по воздуху метра три, оказался между хунхузами, держа в правой руке китайский меч, в левой руке кинжал, крутанулся на сто восемьдесят градусов, нанося удары обеими руками, и два бандита опрокинулись, орошая землю кровью. Причем тому, кого ударил мечом, голову я отрубил почти полностью, и она держалась на остатках не перерубленных сухожилий и кожи.

Я упал на колени, воткнув оружие в землю, и меня стало неудержимо рвать всем тем, что успел съесть с утра Тимоха, а потом желчью.

Такое у меня было только после первой рукопашной схватки на ножах в Афганистане. Мы тогда зачищали какой-то кишлак в долине Панджера. Командир группы дал мне команду занять позицию на крыше одинокой хижины, стоящей на склоне горы, с которой весь кишлак был виден как на ладони. Я короткими перебежками стал приближаться к этому строению, когда на меня из-за дувала сверху свалился «дух» – крепкий, загорелый до черноты мужчина лет сорока. Упав от неожиданного удара на землю и выронив СВД, я откатился в сторону, выхватывая из ножен нож разведчика. Афганец также уронил автомат и дотянуться до него уже не успевал. Поэтому он также выхватил большой прямой тесак из-за голенища сапога, и мы с ним встали друг против друга на тропинке перед дувалом. Два или три раза наши клинки сталкивались при попытке нанести друг другу резаные раны. Потом «дух» попытался меня достать прямым ударом в живот, а я, сделав подшаг в сторону, пропуская его руку, развернулся на 180 градусов, нанося рубящий удар в область шеи. Мой острый как бритва нож практически перерубил горло моджахеду.

Увидев на земле тело афганца с фонтаном крови из шеи и дергающимися в последних конвульсиях руками и ногами, я тогда так же упал на колени, и мой завтрак и вчерашний ужин в один миг оказались в горячей пыли. Я даже не заметил, как ко мне подбежали двое страхующих меня ребят из группы, которые не могли стрелять, чтобы раньше времени не обнаружить нашу группу, и потащили ближе к глинобитной стене, ограждающей дом, чтобы не попасть под возможный огонь душманов. А ведь на тот момент у меня уже было личное кладбище уничтоженных снайперским огнем «духов» и две боевые медали.

Когда в организме закончилась все, что могло выйти рвотой, я встал с колен, вытер губы тыльной стороной ладони и принялся за грязную работу войны. Обшарив убитых китайцев, я отобрал для себя девять патронов для берданки, подсумок для патронов, хороший ремень, к которому прикрепил подсумок и

кинжал. Потом, прополоскав рот и попив из ручья, взял свой карабин, к которому уже привык, вложил в ножны меч и пошел к выходу из оврага.

Оставалось еще около десятка хунхузов, которые, как я понял, хотели угнать станичный войсковой табун. Этому надо было помешать. Являясь жителем другой эпохи, но в то же время потомственным казаком, я знал, что значит строевой конь для казака и насколько он казаку дорог.

Пробираясь по оврагу, я прикидывал, что уже могли сделать бандиты с табуном. Хунхузов осталось человек десять, а табун большой. Я бы на месте китайцев разделил бы табун на несколько частей и перегонял бы через Амур в нескольких местах одновременно. До станицы не так уж и далеко, и скоро казаки, предупрежденные Ромкой с Петрухой, будут здесь.

«Торопиться надо китаезам! Торопиться!» – думал я, осторожно выбираясь из оврага и осматриваясь по сторонам.

Как я и предполагал, группа бандитов из четверых всадников гнала косяк коней голов в двадцать к Амуру.

– К песчаной косе на острове Зориха идут, – тихо прошелестело в голове голосом Тимохи.

– О! Тимоха, очнулся!

– Ага! А где остальные хунхузы из оврага?

– Наверное, в аду горячие сковороды лижут. Или Будде докладывают о своей грешной жизни.

– Ваше благородие… – начал было Тимоха, но я перебил его:

– Так, Тимоха, давай без чинопочитания. Ты и я теперь одно целое. И как я думаю – на всю оставшуюся жизнь, если сегодня выживем. Поэтому ты будешь Тимохой, а меня зови Ермак, мне так привычно.

– Хорошо, Ермак. А что дальше делать будем?

– Для начала сориентируй меня на местности.

Тимоха начал рассказывать, и я все больше узнавал окружающую местность.

– Китайцы коней к песчаной косе у острова на Амуре гонят. Там пологий спуск к воде и мелко в этом году. Они там и переправились на наш берег. До косы чуть более версты будет. Лощина, в которой остальные хунхузы пытаются разбить табун на части, Соворовской называется. Из лощины дорога через лес к станице Черняева ведет. Тут версты две будет. Впереди холм большой. Его станичники Могильным называют. За ним балка с подлеском начинается, и она тоже к Амуру выходит, только полукругом, подковой изгибается.

– Окей, Тимоха!

– Какой кей?

– Все хорошо, Тимоха. Это на английском языке. Ладно. Давай посчитаем и подумаем. Ромка с Петрухой минут пятнадцать-двадцать назад ускакали. Если всю дорогу шли галопом, то они уже в станице. Пока казаки соберутся, пока сюда доскачут, минут тридцать или сорок пройдет. Берем крайний для нас вариант – станичники появятся только через час. От этого и будем плясать.

– Зачем плясать и от чего? – недоуменно поинтересовался Тимоха.

– Это присказка такая. Не обращай внимания.

Я задумался. По всему выходило, что придется через балку бежать к косе и во время переправы гасить хунхузов, чтобы не дать им угнать табун на ту сторону Амура. Только бы успеть с первой четверкой бандитов управиться, пока остальные узкоглазые не подошли.

– Успеем, – опять зазвучал в голове голос Тимохи, – они с Вороном долго провозятся. Вона, Ермак, смотри.

Я посмотрел в сторону табуна в лощине и увидел, как высокий красивый вороной жеребец, задрав хвост, носится по лощине, разгоняя табун, кусая для этого всех попадавшихся ему лошадей.

– Это Ворон – племенной жеребец казака Савина. Дорогущий!!! За него, говорят, дядька Иван десять тысяч золотом отдал! На такие деньги табун в сто голов можно купить. Ворон сейчас табун разгоняет, чтобы чужих к себе не подпустить. Он последние два года только мне да деду разрешал к себе подойти.

– Пристрелят его сейчас, и все дела!

– Да ты что, Ермак! Если хунхузы только Ворона одного за Амур угонят, уже денег немерено получат, так что они с ним до последнего возиться будут.

– Тогда все, Тимоха, побежали. Сначала за холм незаметно, а потом по балке к Амуру.

Бежал я дольше, чем рассчитывал. Сказались и потеря крови, и рана в боку, да и Тимоха, как оказалось, бегал плохо: казак не на коне – не казак. Когда, задыхаясь и шатаясь от усталости, я выбежал на берег Амура, четверка хунхузов уже выгоняла на песчаный берег острова Зориха последних из угнанного косяка лошадей и сами выбирались из воды.

Упав за камень и восстанавливая дыхание, я оттянул затвор, проверив, на месте ли патрон, а три положил рядом.

– Ермак, очень далеко, не попадешь!

– Не мешай, Тимоха. Никуда они не денутся.

«Так, расстояние метров двести. Учтем поправки при стрельбе через реку. Карабин вроде неплохо пристрелян. Все. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Успокаиваемся. О, и хунхузы встали. Замечательно!» – подумал я.

Слившись с винтовкой в одно целое, взял на мушку первого из бандитов и мягко потянул спусковой крючок. Выстрел – минус один. Два. Три. Четыре. Все четыре хунхуза, свалившись с коней, растянулись на земле. Ни один из них больше не шевелился.

– А ты, Тимоха, говорил, что не попаду. Попал, правда, стрелять пришлось не в голову, без оптики действительно далековато было.

– Если бы не видел сам, то не поверил бы. А меня, Ермак, так стрелять научишь?

Я во весь голос расхохотался:

– Тимоха, мы же с тобой теперь одно целое: я – это ты, а ты – это я. Можешь для себя считать, что так стрелять ты уже научился. Но многому другому действительно придется учиться. Все. Пошли на холм перед спуском, там засаду делать будем. Жаль, что патронов только шесть штук осталось, я надеялся еще у этих четверых разжиться, но не судьба.

Поднявшись на холм, с которого спуск к воде и весь берег были как на ладони, я принялся искать место для снайперской позиции и быстро его нашел. Небольшая естественная ямка на вершине холма, два принесенных камня, несколько срезанных и расставленных веток, и позиция готова. Теперь оставалось только ждать.

– Ермак, а ты как в меня попал? И почему тебя Ермаком надо звать, если тебя тоже Тимофеем зовут? А сколько тебе лет? А что такое спецназ?

Вопросы сыпались, как горох из прохудившегося мешка.

– Тимоха, остановись. Слишком много вопросов. Давай по порядку. Как в тебя попал – не знаю. Когда я погиб в своем теле, мне было пятьдесят пять лет. Спецназ – это войска специального назначения, предназначенные для разведки и диверсий. С тобой мы полные тезки, а прозвище у меня, сколько себя помню, было Ермак, потому что род свой я веду от Ермака, который Сибирское ханство для государства Московского завоевал.

– Вот здорово! И мы, как дед рассказывал, свой род от Ермака ведем.

– Это действительно здорово, Тимоха, но теперь тихо: кажется, табун идет. Да, Тимоха, если выживем, ты про меня никому ни слова не говори. Хорошо?

– А почему не говорить, Ермак?

– Такое раздвоение личности считается у врачей серьезным заболеванием. Могут в психиатрическую больницу упечь. Одним словом: в бок ударило, упал с коня,

ударился головой и больше ничего не помнишь. А дальше разберемся. Понял, Тимоха?

– Да, Ермак, понял. Ударило, упал и ничего больше не помню. Правда, про какую-то больницу и личности ничего не понял.

– Это не важно, главное первое запомни. И теперь тихо. Хунхузы.

Через прицел карабина я рассматривал приближающийся табун, который сопровождало девять бандитов. На трех заводных лошадях лежали поперек седел три бандита, убитые мной еще у Могильного холма.

«Девять бандитов и шесть патронов. Хреново! – подумал я. – Точнее, не хреново, а пришел ко мне и Тимохе белый и пушистый зверек по имени песец».

Не стал я говорить Тимохе, что вспомнил рассказ своего деда о том, что поселился он в 1946 году в Ермаковской пади после демобилизации по ранению, полученному в боях с японцами из-за того, что на этом месте жили раньше родственники донских Алениных, которые ушли с Дона осваивать Амур и сгинули все. Последним умер Аленин Афанасий Васильевич – георгиевский кавалер, которого на Дону помнили и уважали. Умер он после того, как хунхузы убили его внука Тимофея, до этого убив всех его сыновей. На месте их старого дома, который сгорел во время лихолетья Гражданской войны, дед построил свой дом. В том доме родился мой отец. Из этого дома и я выбежал на последнюю свою зарядку. Вот как оно все завернулось!

Я погладил пальцами правой руки лежащие рядом пять патронов, шестой уже был в стволе карабина. Что ж, еще за шесть мертвых бандитов даю стопроцентную гарантию, а вот с оставшимися тремя как буду справляться – время покажет. Хотя уже сейчас счет в нашу с Тимохой пользу с большим преимуществом: двенадцать – ноль.

А по рассказу деда, в этом набеге хунхузы и Тимоху, и еще двух казачат – видимо, Ромку с Петрухой – убили, и станичный табун успешно увели в Маньчжурию. Казаки тогда ходили за Амур, но табун не смогли отбить. Попали в засаду и еще несколько человек потеряли. А сейчас счет в нашу пользу. Если и погибнем с Тимохой, то о нем будут говорить, как о славном потомке великого Ермака. А трое китайцев точно не смогут табун угнать. Ромка с Петрухой живы,

казаков уже подняли, и скоро они здесь будут.

Тем временем трое хунхузов, о чем-то оживленно переговариваясь, верхами начали переправу. Один из них, высокий и мощного телосложения китаец, вел заводным Ворона. Оставшиеся шестеро, рассыпавшись по берегу, начали загонять табун в воду.

Я задержал дыхание, взял на мушку ближайшего ко мне на берегу бандита. «Огонь!» – скомандовал сам себе и нажал на спусковой крючок. Китайца с разбитой головой вынесло из седла. На еще пять выстрелов с перезарядкой мне понадобилось меньше минуты. Что же, патронов больше нет, живых хунхузов на этом берегу тоже больше нет.

Я посмотрел на трех оставшихся в живых бандитов. Ехавший впереди бандит, который вел заводным Ворона, пытался справиться с красавцем жеребцом, вырывавшим повод. Ворон мотал головой, то рвался назад, то пытался встать на дыбы. Другие двое хунхузов, к моему глубокому сожалению, нахлестывая лошадей, в веере брызг устремились к нашему берегу.

«Что же, была не была!» – подумал я и, выскочив из засады, побежал к ближайшему от меня убитому бандиту, в надежде разжиться патронами, либо воспользоваться его оружием. Отсиживаться в засаде смысла не было. Хунхузы за шесть выстрелов поняли, что стрелял один человек, а раз он не стреляет по ним, то у него, то есть у меня кончились патроны.

Я подбежал к убитому китайцу и чуть не завыл от досады. Винтовки рядом с ним не было, а его Росинант, к седлу которого была приторочена так необходимая мне берданка, находился метрах в пятидесяти от меня, вблизи от того места, где на берег должны были выскочить из воды два хунхуза.

На быстрый обыск одежды и снаряжения убитого ушло несколько секунд. Ни одного патрона! Опа! А это что такое?

Повернув труп на бок, из-за пояса убитого за его спиной я достал револьвер. Кажется, Смит-Вессон. Быстро проверил барабан на наличие патронов. Пять штук есть.

«Ничего, еще повоюем!» – на бегу обратно к холму думал я.

На вершине холма я, взведя курок револьвера, остановился и развернулся лицом к противнику. Один из хунхузов вырвался вперед и, размахивая над головой то ли саблей, то ли еще каким-то китайским холодняком, во весь опор несся на меня, а второй, чуть приотстав, пытался достать из-за спины винтовку.

Когда до скачущего первого бандита осталось метров двадцать, я, подняв револьвер на уровень глаз, прицелился и мягко потянул тугой спуск. Выстрел. Хунхуз пригнулся. Мимо. Судорожно взвожу курок. Выстрел почти в упор, и бандит завалился на круп лошади, пронесшейся мимо меня.

Взвожу курок и ловлю на прицел второго бандита, который уже метрах в пяти от меня и целится из винтовки. Два выстрела прозвучали одновременно. Тупой удар пули в правое плечо развернул меня, а удар наскочившего коня швырнул на землю, заставив скатиться с верхушки холма и несколько раз перевернуться. Падая, успел увидеть, как хунхуз выронил винтовку, хватаясь за грудь. «Еще одному конец…» – подумал я и потерял сознание.

Когда я очухался и, с трудом поднявшись на ноги, огляделся, то увидел лежащих неподвижно на земле двух наскочивших на меня варнаков. Их кони стояли рядом. Последний оставшийся в живых бандит не смог удержать Ворона. Теперь он выбирался на наш берег то ли для того, чтобы поймать прекрасного жеребца, который уже выскочил из воды и, мотая головой, скакал к своему табуну, то ли для того, чтобы посчитаться со мной, а может быть, для того и другого.

Я с трудом, пошатываясь, стоял на ногах. Правая рука висела плетью, из сквозной раны в бицепсе медленно струилась кровь. Боли почти не было. «Повезло, кажется, кость и, главное, артерия не задеты, а то бы здравствуй, деревянный бушлат или макинтош», – подумал я. Но заниматься раной времени не было. Последний хунхуз направлялся в мою сторону. Я оглянулся вокруг, пытаясь отыскать, выпавший из руки во время падения револьвер. Вблизи его не наблюдалось. А на поиски уже не оставалось времени и сил.

– Не ссы, Тимоха Аленин! Врагу не сдается наш гордый «Варяг». И последнего разбойника мы с тобой, Тимоха, на тот свет постараемся утащить.

Матерясь сквозь зубы, начал подниматься на холм, с которого скатился. Засунув кинжал за голенище сапога, я левой рукой с трудом снял с себя ножны с мечом-

саблей, расстегнув, сбросил ремень с подсумками и ножнами от кинжала. Каждый лишний грамм давил на тело, как десяток килограмм. Все – вершина холма. «Что это?» – присмотрелся я.

Метрах в трехстах в мою сторону во весь опор неслось галопом около тридцати всадников.

– Наши-и-и!.. Станичники! Ура-а-а! – голову чуть не разорвало от крика Тимохи.

– Эх, Тимоха! Не успеют они… – Я повернулся назад, доставая кинжал из голенища сапога. – Чуть-чуть не успеют.

Последний бандит был метрах в двадцати, наметом поднимаясь по склону холма и крутя над головой еще какой-то разновидностью китайского меча или сабли. Я стоял и просто ждал. Сил практически не осталось.

– Ермак! Убей его! Убей-й-й! – опять зазвенело в голове от крика Тимохи. – Ты же спецназ! Ты все можешь!

От этого крика, уставшие до невозможности мышцы тела получили как бы заряд энергии. Все тело опять стало упругим.

– Аграааа!!! – заорал я что нечленораздельное, делая прыжок вперед-влево, стараясь уйти от удара мечом.

И мне это почти удалось. Спасло и то, что успел поднять над головой руку с кинжалом, поэтому меч китайца только рассек кожу, но череп, кажется, не проломил. Залитыми кровью глазами успел увидеть спину китайца, и рука автоматически метнула кинжал. Уж во что во что, а в ростовую или грудную мишень на расстоянии в десять-пятнадцать метров, даже будучи подполковником, я поражал любым метательным оружием с двух рук и после бурной ночи и недельного поноса.

Увидев, как кинжал входит бандиту под левую лопатку, я покачнулся и провалился куда-то в темноту. Очнулся от ощущения, что меня кто-то зовет; открыв глаза, увидел склонившееся надо мной лицо красивой черноволосой женщины, которая своими глазищами будто прожигала меня насквозь.

– Тимофей, смотри мне в глаза! Внимательно смотри мне в глаза! – произнесла красавица.

«Только гипнотизеров мне не хватает! – подумал я и мысленно построил между собой и женщиной стену из железобетона. – Тимоха, подъем! По твою душу пришли!»

– А-а… Это тетя Марфа. Она знахарка.

– И хороший гипнотизер.

– Кто?

– Неважно, Тимоха. Сейчас я уйду в сторону. А ты поговори с тетей Марфой. Только помни, о чем мы договаривались: ударило, упал, ничего больше не помню. Все, вперед!

Через несколько минут знахарка Марфа ушла, ничего не добившись от Тимохи. Потом пришел дед Афанасий, и я уже без боязни отправил свое второе я общаться с ним, а сам все это время думал, что же мне – гвардии подполковнику спецназа делать дальше в теле, как выяснилось, четырнадцатилетнего казака. Тем более, хочешь не хочешь, а изменения в истории этого мира, а возможно, моего прошлого мира я уже внес – Тимоха остался жив!

Глава 4. Выбор пути

– Ха, Тимофей, а я сегодня от тебя не намного отстал! – Ромка Селеверстов, падая рядом на землю, передернул затвор берданки и нажал на спусковой крючок, имитируя выстрел по противнику.

– Молодец! – Я, лежа на животе, через прицел винтовки Маузера рассматривал грудную мишень, сделанную из трех чурбаков, которая располагалась на поляне метрах в двухстах впереди. – Ты сегодня просто молодец, Ромка! Всю тропу прошел в хорошем темпе.

Я поднялся с земли и посмотрел назад, где располагалась сделанная нами полоса препятствий. «Тропа разведчика», как я назвал ее, занимала площадь чуть больше футбольного поля и состояла из двадцати объектов разной категории сложности – траншеи, рвы, качающиеся бревна, трамплины, горки, лесенки, лабиринты, стенки с гнездами и выступами.

«Еще бы оборудовать тропу огневыми рубежами, чтобы проходящие ее могли вести на ходу огонь по появляющимся с разных сторон мишеням, и была бы настоящая штурмовая полоса спецназа, как в Псковской учебке, – подумал я. – Только на патроны денег не напасешь! Остается только помечтать».

– А помнишь, как все начиналось два года назад?

– Помню, Ромка. Помню.

Только не два года назад все началось, а почти три уже прошло после той схватки с хунхузами. Многое произошло за это время. К основному можно отнести то, что две личности Тимохина и моя слились в одну, сохранив знания и умения обоих. Доминировала при этом, к счастью для меня, сущность гвардии подполковника Аленина. Так что в теле молодого казака теперь «существовал» старый, матерый спецназовец XXI века, который иногда по-щенячьи повизгивал от выброса гормонов молодого тела.

Пока поправлялся от ранений, было время подумать о том, что мне делать дальше. Опираясь на опыт героев, попавших в прошлое, вычитанный у альтернативщиков, попытался проанализировать свое положение. Проанализировал и понял, что «попаданец» из меня получился какой-то неудачный: великих знаний, способных изменить и потрясти мир, моя память не содержала; чтобы ко мне более-менее стали серьезно относиться, надо было еще вырасти. К тому же социальный статус тела, в которое я попал, был если уж не ниже плинтуса, то высоким назвать его язык не поворачивался. Не дворянин, не князь, не царь-государь, а так – пастух, точнее, подпасок, правда, из казаков. Какие уж тут великие свершения и глобальные изменения мира и истории!

Хотя если честно, ничего мне в истории государства российского менять и не хотелось. Да, впереди Русско-японская война с нашим обидным поражением, потом Первая мировая, революция, ужасы Гражданской войны, коллективизация, индустриализация, репрессии, Вторая мировая война и такое

прочее, но кто я такой, чтобы менять ход истории в ту или иную сторону! Тем более, родился, вырос и сформировался как личность я в советском обществе, которое было построено после всех этих событий. И мне нравилось то общество и то время. А вот все те события, которые произошли после развала Советского Союза, вызывали у меня только негативную реакцию. В общем, было о чем подумать.

Недели три, пока не мог еще нормально ходить из-за ранений, лежал и думал о вечной философской проблеме – роли личности в истории, точнее, роли своей личности в этой возможно уже альтернативной истории.

Как мне помнилось из прошлой жизни, спектр мнений по данной проблеме весьма широк, но в целом все вращается вокруг двух полярных идей. Первая основана на теории марксизма: исторические законы с «железной необходимостью» пробиваются сквозь препятствия, и это, естественно, ведет к представлению, что в будущем все заранее предопределено, и исторический ход событий невозможно изменить. Согласно второй идеи, случайность всегда может переменить ход истории, и тогда, следовательно, ни о каких законах говорить не имеет смысла. Поэтому имеются и попытки крайнего преувеличения роли личности, и, напротив, уверения, что иные, чем были, деятели и не могли появиться. Средние взгляды, в конечном счете, все же обычно склоняются к той или другой крайности. Таким образом, я сделал для себя вывод: от моей деятельности в данной реальности либо ничего в ходе исторического процесса не изменится, либо есть возможность изменить историю. И я буду первым человеком, который на практике проверит эти две теории.

Теперь о себе как о личности. Во время второй чеченской кампании попал ко мне учебник по социальной психологии, достался от раненого бойца отряда – недоучившегося студента, которого отправили в госпиталь на «большую землю». Иногда под настроение почитывал я этот учебник, пытаясь разобраться в себе и окружающих. И в этой умной книжке я прочитал, что человек рассматривается как индивид, то есть единичный человек как биосоциальное существо, особь, и как личность, то есть единичный человек как система устойчивых качеств, свойств, реализуемых в социальных связях, социальных институтах, культуре, более широко – в социальной жизни. А индивидуальность – это характеристика уникальности, неповторимости, присущей данной личности.

Следовательно, личность – это любой человек, а не только яркий, исключительный, рассмотренный как ответственный и сознательный субъект социальной жизни; индивидуальность может быть присуща каждой личности, а не только наиболее талантливым людям.

Вот завернул! Нельзя военным читать умные книжки. Как шутил мой взводный в рязанском десантном училище: «Если ты такой умный, почему тельник не носишь и строем не ходишь?» В общем, все, о чем подумал, можно свести к выводу: я личность для исторического процесса, и очень индивидуальная. Еще бы не индивидуальная: в биологической особи Аленина находится две личности – моя и Тимохи! Правда, очень быстро после моего переноса я стал замечать, что мысленного разговорного контакта с Тимохой мне уже не требуется. Он как будто растворился во мне. Все, что мне надо было узнать о жизни Тимохи, как бы само всплывало в моей памяти, будто бы это происходило со мной. Это сильно облегчило мне три года назад общение с окружающими, особенно с дедом Афанасием и знахаркой Марфой, которые больше других замечали изменения, происходящие с Тимохой Алениным.

Но вернемся к проблеме личности в истории. Итак, я индивидуальная личность, которая участвует в историческом процессе данной реальности. По одной теории, чем больше будет мое воздействие на окружающий социум, тем больше изменится ход истории. По другой теории, что бы я ни делал, какое бы «место под солнцем» ни занял, истории не изменить, и она пойдет по наезженной колее моего бывшего мира.

Таким образом, если верна вторая теория, то я могу делать что хочу. А если первая? Тут надо было подумать, что и как я могу изменить в историческом процессе. На обдумывание данной проблемы и выбора пути в этом мире у меня ушло три недели моей лежки в постели. Для начала я вспоминал все, что знал об эпохе, в которую попал.

Итак, 1888 год – время царствования Александра III. Насколько помню, царствовать ему еще до 1894 года, когда его место займет последний государь из династии Романовых – Николай II.

В отличие от своего сына, Александр III был правителем жестким и достойным. После смерти императора Александра II от рук «первомартовцев», Александр III очень быстро закрутил гайки по всем либеральным реформам отца и заявил о незыблемости самодержавия.

На докладе Победоносцева, в котором тот призывал нового императора, ввиду ходивших среди подданных Российской империи мыслей о возможности избавления осужденных «первомартовцев» от смертной казни, ни в коем случае не поддаваться «голосу лести и мечтательности», Александр начертал: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Да, это не его папаша – либеральный Александр II, при котором Вера Засулич во время приема несколько раз выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, тяжело ранив того в бок, а затем, несмотря на неопровержимые улики, свидетельствовавшие о совершенном покушении, суд присяжных ее оправдал. В зале суда Засулич была устроена овация, а на улице ее встретила восторженная манифестация собравшейся у здания суда большой массы публики.

О таком террористам-революционерам XXI века в нашем демократичном и толерантном российском обществе можно только мечтать. Представьте себе, как губернатор Санкт-Петербурга при проверке СИЗО дает команду о наказании подследственного, проходящего по делу против государственной власти, за то, что тот был непочтителен к губернатору. И даже пусть виновного не поместят в штрафной изолятор, а высекут розгами, что уже давно не используется в виде наказания в наше время, но за это самодурство соратник наказанного придет на прием к губернатору и всадит тому пару пуль в живот, а суд его потом оправдает… Можете себе такое представить? Я нет.

Самодержавное же правление Александра III привело к резкому уменьшению протестных выступлений, характерных для второй половины царствования Александра II. Пошла на спад и террористическая активность. После убийства Александра II было лишь одно удавшееся покушение «народовольцев», кажется, на одесского прокурора, и одно или два неудавшихся – на самого Александра III. После этого террористических актов в стране не было вплоть до начала XX века.

Большие успехи были достигнуты в развитии промышленности. В металлургии произошла настоящая техническая революция. Железные дороги перестали быть убыточными для казны и стали приносить прибыль, рекордными темпами шло строительство новых линий. Было проведено конвертирование государственных займов с понижением выплачиваемого по ним процента, введена государственная монополия на торговлю спиртными напитками. Введены новые таможенные тарифы с повышением пошлин на ввозимые товары.

За счет этих и других мер удалось значительно улучшить состояние государственных финансов. Существенно снизилась доля государственного бюджета, расходуемая на обслуживание государственного долга, замедлилось и дальнейшее увеличение самого долга.

С коррупцией Александр III, тоже в отличие от своего отца, боролся жестоко, так как не переносил нечистоплотности ни в делах, ни в личной жизни. Согласно его собственным заявлениям, он мог простить чиновнику нечистоплотность в делах или в поведении лишь один раз, в случае его раскаяния, а на второй раз неизбежно следовало увольнение провинившегося. Именно так он поступил с министром финансов Абазой. Не пожалел и своих родственников. При нем многие из великих князей продолжали занимать высокие посты, но некоторых он отправил в отставку и, кроме того, активно противостоял их вмешательству в работу министерств и ведомств и выдвигаемым ими различным финансовым «проектам», в которых можно было заподозрить желание прикарманить казенные средства.

Александр III также предпринял ряд мер по искоренению коррупции и злоупотреблений, усилившихся в предыдущее царствование. Он ввел запреты, которых ранее не существовало: на участие чиновников в правлениях частных акционерных обществ, на получение комиссии лично чиновниками при размещении государственного займа и другие.

В царствование Александра III Россия не вела ни одной войны. За поддержание европейского мира этот государь получил имя Миротворец. Витте писал: «Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови». Подобную же оценку давали результатам внешней политики Александра III другие современники.

Одной фразой можно сказать об Александре Третьем – это был образцовый правитель и настоящий хозяин земли русской, и не из-за того, что был корыстен, а из-за чувства долга. Жаль, умер рано – в сорок девять лет. И его революционеры-террористы достали.

Сначала Саша Ульянов с товарищами-народовольцами убить хотели, но не вышло. Охранка хорошо сработала. Это было в 1887 году, насколько помню. А вот в год моего попаданства в эту реальность произошло крушение императорского поезда, когда царская семья возвращалась с отдыха из Крыма в

Санкт-Петербург.

Вагон с императорской столовой, в котором находились Александр III и его жена Мария Федоровна с детьми и свитой, был почти полностью разрушен. Он был сброшен на левую сторону насыпи и представлял ужасный вид: без колес, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме. Когда после разрушения пол провалился и осталась одна рама, то все оказались на насыпи под прикрытием крыши. Утверждают, что Александр III, обладавший недюжинной силой, держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков.

Во всем поезде, состоявшем из пятнадцати вагонов, уцелело только пять. Вагон, в котором находились придворые служащие и буфетная прислуга, был совершенно уничтожен, и все находившиеся в нем убиты наповал и найдены в обезображенном виде.

Александр III, несмотря на дождь с изморозью и страшную слякоть, сам распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Императрица вместе с медицинским персоналом обходила раненых, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то что у нее самой повреждена была рука выше локтя, и что она осталась в одном платье. На плечи царицы накинули офицерское пальто, в котором она и оказывала помощь. Только в сумерки, когда приведены были в известность все убитые и не осталось ни одного раненого, которому не была бы оказана медицинская помощь, царская семья села во второй, давно уже прибывший на место крушения свитский поезд и отбыла. Мне тяжело себе представить, что кто-нибудь из наших современных правителей после террористического акта, в котором он бы чудом остался бы жив, помогал бы вытаскивать из завалов раненых и убитых и не уехал до тех пор, пока все не закончится.

Согласно одной из версий расследования, крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложил помощник повара, связанный с революционными организациями. Заложив бомбу с часовым механизмом в вагон-столовую и рассчитав момент взрыва ко времени завтрака царской семьи, он сошел с поезда на остановке перед взрывом и скрылся, бежав за границу.

Император и вся его семья в том крушении остались живы, однако по одной из версий, сотрясение при падении вагона и то напряжение, которое перенес

Александр III, когда держал на спине крышу вагона, спасая жену и детей, положило начало болезни почек. Болезнь неуклонно развивалась, и в 1894 году он умер от хронического нефрита.

А проживи этот богатырь (он имел рост 193 сантиметра, пальцами гнул монеты и ломал подковы) еще лет пятнадцать-двадцать, неизвестно, как повернулась бы дальше история. Вряд ли случилось бы поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов…

При Александре III армия и военное ведомство были приведены в порядок после их дезорганизации в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, чему способствовало полное доверие, оказываемое военному министру и начальнику главного штаба со стороны императора, не допускавшего постороннего вмешательства в их деятельность. В царствование Александра III было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров; русский флот занял третье место в мире после Англии и Франции в ряду мировых флотов. Именно Александру III принадлежит изречение: «У России нет друзей, нашей огромности боятся… У России только два надежных союзника – ее армия и флот».

А вот после смерти монарха великие князья начнут вмешиваться в деятельность военного министерства. Будут его кроить то по одному образцу, то по другому, постоянно менять высшие чины этого министерства, чуть ли не ежегодно делать преобразования. Вследствие всего этого дела армии и флота значительно расстроятся, что будет способствовать неудачному исходу Русско-японской войны.

К тому же Александр III показал, как надо бороться с революционерами и развивать экономическую базу российского государства. Слабо верится, чтобы при нем возникла бы «революционная ситуация», когда низы не хотят, а верхи не могут. К сожалению, все это мечты! Мое попаданство в этот мир по данному вопросу ничего уже не изменит, поэтому и думал я почти три года назад, что надо выбирать мой путь в этом мире, исходя из моих возможностей. Древние римляне говорили: «Там, где ты ничего не можешь, ты не должен ничего хотеть». Так что же я могу? А могу я, как профессиональный военный и офицер спецназа, Родину защищать! И не важно, как эта Родина называется: Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Тем более что Тимохе Аленину больше ничего не светит, кроме дальнейшей военной службы в Амурском казачьем полку.

А вот здесь поподробнее. С моими навыками и с тем, что уже умеет Тимоха, за шесть лет до первых трех лет службы в полку можно будет «слепить» образцового суперказака Амурского полка Аленина Тимофея Васильевича. Но что мне это даст? Прославлюсь на уровне сотни или полка как отличный рубака и стрелок от бога, и все?! Воевать-то в китайском походе и в Русско-японской войне придется согласно той тактике и пользуясь теми военными приемами, которые приняты в русской армии в настоящее время! А как же мой опыт диверсионно-разведочных операций, снайперское искусство, до развития которых еще сто лет? Кто прислушается к мнению простого казака, пусть и лихого? Никто. Не тот статус.

Опять все упирается в социальный статус тела, в котором я сейчас нахожусь, и его как-то надо менять. Иначе все мои знания пропадут напрасно. Один в поле не воин. Надо каким-то образом внедрить эти знания массово. Но как? Над этим вопросом я ломал голову долго, пока не помог дед Афанасий, только помощь эта обернулась для меня большим горем.

Глава 5. Смерть деда Афанасия

Рано утром я вышел на крыльцо и потянулся, глядя на встающее солнце. Лепота! Раны затянулись. Ничего не болит. Фельдшер Сычев и знахарка Марфа вчера вечером после совместного «медицинского консилиума» сказали деду Афанасию, что молодой казак Аленин полностью здоров. После этого Марфа почему-то поспешно уехала, а дед с фельдшером натрескались ханшина до положения риз, после чего я с большим трудом загрузил Сычева в его тарантас и отвез в станицу. Вернулся домой поздно ночью, забрав у атамана Селеверстова своего коня.

Встав рано утром, выйдя на крыльцо и потягиваясь, я думал о том, как прекрасно чувствовать себя в молодом теле, когда ничего не болит, не ноет, не тянет. Действительно, лепота! Сальто вперед, что ли, с крыльца сделать или колесом по двору пройтись?

Спустившись с крыльца и зайдя за угол дома, готовясь перейти на бег, я буквально наткнулся на деда, который стоял в одних шароварах и нательной

рубахе, что-то внимательно рассматривая вдали.

– Баню протопи, Тимофей, – не поворачивая головы, сказал дед.

– Так сегодня не суббота!

– Протопи. Надо мне.

Дед продолжал смотреть вдаль, но при этом глаза его были какими-то пустыми, без единой мысли.

Не говоря больше ни слова, я отправился носить воду в баню. Налив котел и все кадушки для холодной воды, разжег дрова в печи и пошел к деду с докладом, думая, чем вызвана внеплановая помывка в бане. На улице деда уже не было, и я прошел в дом. Старый Афанасий сидел в горнице за столом, одетый в одно исподнее, а на столе перед ним стояли ларец и шкатулка, в которых он хранил бумаги и разные ценные вещи.

– Садись, Тимофей, поговорить надо.

Дед указал на табурет рядом со столом напротив себя.

– Что-то случилось, деда?

– Агафья моя, сыновья все трое да сноха Катерина приснились мне сегодня. Стоят и зовут меня к себе. – Дед выпрямился на табурете и положил руки на стол. – Помирать сегодня буду.

– Ты чего, деда, с ума сошел?! – Я взволнованно привстал из-за стола.

– Сиди и слушай, Тимофей Васильевич. Да, именно Тимофей Васильевич. Последним ты в нашем роду Алениных остаешься. Перед смертью спросить тебя хочу… – Дед Афанасий будто попытался просверлить внука своим пронзительным взглядом. – Кто ты?

Я отвел глаза и уставился в поверхность стола.

«Все, приплыли! – метались мысли в голове. – Видно, косяков за три месяца, пока выздоравливал, много спорол, если дед не верит, что я его внук».

Поднял голову и, глядя деду в глаза, произнес:

– Я Тимофей Васильевич Аленин.

– Нет, не Тимоха ты! Внук иногда в тебе проглядывается, но с каждым днем все меньше и меньше. – Старый Афанасий сжал кулаки. – Не бойся, скажи. Я сегодня помру. Мне знать перед смертью надо, где Тимоха!

– Да, я не Тимоха, но я действительно Аленин, и зовут меня Тимофей Васильевич. Наш род также идет от донской ветви потомков Ермака. Кто-то из моих пращуров твой брат, только не знаю степени того родства.

– Что-то не пойму ничего!

– Понимаете, Афанасий Васильевич, я родился… рожусь… тьфу ты, появлюсь на свет еще только через восемьдесят лет. Как бы проще объяснить… Я жил в будущем, там умер, и душа моя как-то попала сюда в тело Тимохи.

Старик откинулся назад и, быстро крестясь, произнес: «Чур меня! Свят, свят, свят! Изыди, сатана!»

Я грустно улыбнулся, перекрестился, достал из-за пазухи медный крестик и поцеловал его.

– Не сатана я, Афанасий Васильевич, а вот кто, теперь и сам не пойму. Там, в будущем, я был офицером, защищал Родину. Защищал хорошо. Если сравнивать награды, то здесь я был бы георгиевским кавалером с кучей других орденов и медалей. Потом там я умер, а очнулся в теле Тимохи и принял бой с хунхузами. Сначала мы с Тимохой как бы мысленно разговаривали между собой. Когда надо было общаться с вами, Афанасий Васильевич, или с Марфой, то это делал Тимоха. Но потом мы с Тимохой стали как бы растворяться друг в друге. Я теперь знаю и помню все, что знал и помнил Тимоха, а он знает все обо мне. Поэтому я – это теперь Тимоха.

– Вот оно что!

– Да, Афанасий Васильевич, с одной стороны, я сейчас сижу и разговариваю с вами как с посторонним человеком, а с другой стороны, мне хочется заплакать, обнять вас и закричать: «Деда, не помирай!»

– Внучек! – Из глаз старого Аленина потекли слезы.

– И еще, Афанасий Васильевич, там, в моем будущем, Тимофея хунхузы во время этого набега убили, а здесь он, хотя и таким образом, остался жив!

Старик встал из-за стола, обошел его, подходя ко мне и, нагнувшись, прижал мою голову к своей груди: «Внучек, мой!» Я застыл, а потом мое тело затряслось от неконтролируемых мною рыданий.

– Вот и хорошо, внучек. Поплачь… – Дед гладил по голове и по спине внука, который прятал лицо в нательной рубахе старика. – Сейчас полегчает, внучек. Полегчает.

Через некоторое время Тимохина сущность успокоилась, а старый Афанасий, еще раз погладив меня по голове, вернулся на свое место за столом.

– И что там будет, в будущем?

– Страшно будет, войн много будет, реки крови людской прольются.

– Ну не живется спокойно басурманам! – Дед Афанасий осуждающе покачал головой. – А что здесь делать будешь?

– Защищать Отечество! Что еще казак может делать? Знания вот хочу свои из будущего о военных приемах казакам передать. Я там до гвардии подполковника дослужился.

– Кхе… Гвардия! Подполковник! – Старик довольно разгладил рукой бороду. – Так ты у нас – ваше высокоблагородие, Тимоха! Хе-хе, не зря хотел тебя в военное училище устроить!

– В какое училище?

– Заболтался я с тобой! – Лицо старого Аленина потемнело. – Времени-то чуть осталось. Слушай внимательно, внучек.

Дальше старый Аленин рассказал мне о своей договоренности со станичным атаманом попытаться устроить Тимофея в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт, и о том, что Селеверстов в Благовещенске разговаривал об этом с самим наказным атаманом и тот обещал посодействовать.

При выпуске из этого училища по первому разряду можно будет получить звание хорунжего и стать офицером. Только тяжело в него поступить обычному казаку. Мало кому удается. Также рассказал о том, что у Селеверстова находятся три хороших строевых коня и оружие, которые он сохранил для Алениных после боя Тимофея с хунхузами.

Потом дед Афанасий раскрыл шкатулку, достал пачку кредитных билетов по двадцать пять рублей и, развернув платок, высыпал на стол кучку золотых пятирублевок.

– Здесь восемьсот рублей, – вздохнул старик. – Семьсот атаман передал кредитными билетами. Это премия за убитых тобой хунхузов и их снаряжение от наказного атамана. Селеверстов с казаками, сам понимаешь, все более-менее нормальное с хунхузов поменял на бросовое из станичного добра, но все равно добре получилось. Семь сотен рублей – очень хорошая премия. А сто рублей я накопил за последние годы на черный день. Теперь это все твое. На учебу, внучек, тебе.

– Де?да! Афанасий Васильевич! Да что вы, в самом деле! Прекратите! Вам еще жить да жить.

– Нет, внучек. Пришло мое время. Все, отжил свое. Пора!

Старик, тяжело встав из-за стола, прошел в угол горницы, где стоял сундук, открыл его, достал свой парадный мундир с наградами и разложил его на кровати.

– В нем меня похоронишь! Награды только перед тем, как в землю опускать будете, сними. Оставь себе на память.

Я глядел на деда, и мои глаза наполнились влагой.

– Все, внучек. Теперь в баню. К Богу на суд надо чистым приходить.

Старый Аленин взял чистое исподнее, уже лежащее на кровати, и вышел из горницы.

«Чудит старик, – подумал я. – Но хорошо, что с ним объяснился. Теперь скрывать ничего не надо. И принял всю эту невероятность дед как-то спокойно, хотя ни одной книжки фантастической не читал».

Я подошел к столу. Завернул деньги в платок и положил обратно в шкатулку. Затем открыл ларец и долго перебирал лежащие там бумаги. В основном это были выписки из церковных книг о рождении и смерти членов семьи Алениных, поминальная книга с датами помина умерших родных, наградные листы и прочие документы. Убрав шкатулку и ларец в сундук, взял в чулане самовар и понес его на двор, чтобы наполнить водой и растопить. Дед после бани мог выпить чашек пять-шесть прям-таки обжигающего чая.

Выйдя на крыльцо, увидел, что дед с влажными волосами и бородой, в чистом исподнем уже сидит на любимой лавке у крыльца.

– Чайку – это хорошо. – Дед размашисто перекрестился. – Давай, внучек, раскочегарь самовар да в бане приберись, а я пойду прилягу, что-то ноги не держат.

Старый Аленин начал подниматься на крыльцо, пропустив спускающегося внука.

– Да, Тимофей, чуть не забыл! Домовина моя готовая на подволоке в сарае лежит.

– Деда, ну что ты все заладил: умру, домовина, похоронишь меня… Как маленький.

– Цыц у меня! Ишь, голос поднял! Еще не умер. А офицером стань, Тимоха, и науки свои полезные казакам передай. Это мой наказ тебе, Тимофей Васильевич! – с этими словами старик зашел в дом.

Я быстро наполнил свежей водой самовар, растопил его, потом сбегал в баню, вымел листья, опавшие с веников, которыми парился дед, промыл полы, лавки, замочил в щелоке грязное исподнее деда и пошел в дом. Зайдя в горницу, увидел деда, лежащего с закрытыми глазами, не на кровати, а на лавке и со скрещенными руками.

«Вот дед чудит! – подумал я. – Осталось только свечку зажженную воткнуть, и можно отпевать».

И в тот же момент неестественная желтизна щек на лице деда заставила меня броситься к старику и прижаться ухом к груди. Биения сердца слышно не было. Я прижал два пальца к сонной артерии на шее деда – пульса не было.

«Этого не может быть, – метались мысли в моей голове. – Не может быть такого! Сказал, что умрет сегодня, и умер. Он что, сердце себе остановил?»

В это мгновение будто что-то лопнуло в моем сознании. Упав на колени перед лавкой, я уронил голову на грудь деда и в голос зарыдал. Сколько проплакал, выкрикивая какие-то слова, не помню. Успокоившись и поднявшись на ноги, я, взяв длинный рушник, подвязал подбородок Афанасию Васильевичу и вышел из дома. Потом оседлал коня и поскакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда станичному атаману.

Глава 6. Выбор пути 2

Воспоминание о том дне наполнило меня грустью. Жалко было старого Аленина. За три месяца общения, благодаря Тимохиной составляющей моего сознания, я стал относиться к нему как к своему деду, тем более что Афанасий Васильевич был очень похож на моего родного деда, которого я сильно любил. Но именно смерть деда и его последние слова позволили мне окончательно определиться с моей дальнейшей жизнью в этом мире и наметить первые шаги.

Дед наказал мне стать офицером, чтобы передать мои военные знания из XXI века казакам. «А чем не смысл жизни?» – думал я в тот день, пока скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти старого Аленина.

Афанасий Васильевич говорил, что в юнкерское училище принимают с семнадцати лет. У меня впереди почти три года. Есть время, чтобы разобраться с тем уровнем знаний, который необходим для поступления в училище. Больших проблем тут быть не должно, надо только как-то залегендировать для окружающих, где я этому выучился. С физической и военной подготовкой надо тоже не переборщить. Ладно, с этим со временем разберемся. Идем дальше. Поступил в училище, отлично проучился, выпустился и получил первое офицерское звание – хорунжий – и под командование полусотню казаков, вероятнее всего в Амурском полку. Это будет где-то в 1893 году. До китайского похода в 1900 году будет еще семь лет. За это время можно будет обучить кое-чему казаков и обкатать новую тактику и приемы ведения боевых действий на хунхузах, а потом же и против китайцев.

Если все пройдет гладко, то, возможно, к началу Русско-японской войны в Амурском полку будет сотня казаков, умеющих вести разведочно-диверсионные операции против противника по методикам, опережающим действительность на сто лет. Что это даст? Нанесение большего урона противнику: может быть, получится кого-то «стереть» с карты истории из генералитета японской императорской армии, что окажет стратегическое влияние на ведение наземных операции в этой войне.

И благодаря этому есть вероятность распространения этого опыта в войсках через главное управление Генерального штаба или через Главный штаб, если его не переименуют в 1905 году. Хорошо бы при этом как-то поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, чтобы теоретически обосновать новые методики ведения данных боевых действий и найти человека, который смог бы их пропихнуть в управление боевой подготовки российской армии.

Да, мечты! И что ж я не попал в тело какого-нибудь великого князя или генерала, отвечающего за управление вооруженными силами Российской империи… Тогда все было бы намного проще. Мы хоть академий и не кончали, но двадцать семь лет службы в элитных войсках, участие в боевых действиях и их планирование, пускай на отрядно-бригадном уровне – это опыт, который бы позволил не наломать дров в боевой подготовке новых подразделений. Тем более если вспомнить о том, кто будет командовать армией и флотом в это

время, то я вообще гений диверсионной войны и разведки. Был момент в моем пенсионном прошлом, когда лазил по инету и специально искал материалы о Николае II и его окружении… Так вот, о верховном главнокомандующем Николае II сохранилось убийственное по сарказму высказывание генерала Драгомирова: «Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России не способен». Министр иностранных дел Дурново считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». По мнению контр-адмирала Бубнова, в годы Первой мировой войны начальника морского управления в Ставке, «уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что, само собой разумеется, было недостаточно не только для управления государством, но и для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне».

О военном министре Куропаткине, который скоро займет этот пост, в нашей военной истории сохранилось двойственное мнение. Под его руководством были проведены в жизнь многие неотложные меры: повышены денежные оклады офицерам, произведено омоложение командного состава, преобразован ряд военных округов, расширены юнкерские училища и кадетские корпуса, укреплена полевая артиллерия, начато внедрение в войска пулеметов, да и много было сделано полезного для развития казачества в Приамурском крае.

Однако всего этого оказалось явно недостаточно для того, чтобы русская армия подошла к войне с Японией обновленной. А назначение Куропаткина командующим Маньчжурской армией у многих вызвало скептицизм и не принесло ему лавров, хотя в генерала, озаренного лучами скобелевской славы, многие поначалу верили. Его военные неудачи и стратегия оборонительной войны «на истощение» вынудили Россию признать бесперспективность дальнейшей борьбы и пойти на мирные переговоры с Японией.

Следующий военный министр, Сухомлинов, получил прозвище «царский угодник». Его деятельность на этом посту во время Первой мировой войны завершилась судом, где ему были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав на состояние.

Морской министр, вице-адмирал Бирюлев, прочитав рапорт одного из своих подчиненных, просившего выписать из Франции для подводных лодок некоторое

количество свечей зажигания, недрогнувшей рукой вывел резолюцию: «Достаточно будет пары фунтов обычных стеариновых».

Драгомиров, так уничтожительно охарактеризовавший последнего русского императора, сам был не без греха. Будучи профессором по тактике, а затем и начальником Николаевской академии Генерального штаба, он прославился как ярый противник скорострельного оружия и военных игр, которые при нем практически полностью исчезли из учебного курса Академии. А на испытаниях генерал Драгомиров отозвался о пулемете «максим» следующим образом: «Излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз».

Да, при таком руководстве продавить новую тактику ведения боевых действий будет очень тяжело! Без подтверждения ее эффективности на практике можно даже и не пытаться. А на практике доказать полезность засылки малых групп в тылы противника для ведения разведки и совершения диверсий можно только на базе казачьих войск. Ходить за зипунами да захватить знатного пленника – это у казаков в крови, но боюсь, что «их благородия» сочтут такие действия варварскими и неблагородными.

О внедрении тактики снайперской войны вообще думать не хочется. Отстреливать в первую очередь генералитет и офицеров на поле боя! Это кто такое предложил? А ну подать сюда этого казака Аленина, который «их благородиям» смерти «подлой» желает! Хотя еще в марте 1643 года, во время гражданской войны в Англии, при осаде города Личфилда снайперским выстрелом был убит командир армии парламента лорд Брук… Мой первый и последний инструктор в Афганистане на курсах снайперской подготовки любил приводить примеры из истории искусства меткой стрельбы, и, как ни странно, они намертво засели в моей памяти. По словам офицера, солдат Джон Дайот, дежуривший на крыше местного кафедрального собора, выстрелил в лорда Брука, когда тот неосторожно высунулся из укрытия, и попал ему в левый глаз. По меркам того времени подобный выстрел, произведенный из длинного гладкоствольного мушкета с расстояния около ста сорока метров, считался незаурядным.

Петр I в воинском уставе требовал, чтобы каждый мушкетер особливо стрелял, а в 1711 году, после поступления на вооружение новых штуцеров, особым указом повелел отбирать лучших стрелков, вооружать их штуцерами и использовать «особо». В шестидесятых годах XVIII века полководец Румянцев создал в каждом

пехотном полку команды егерей, вооруженных штуцерами. Для этих егерей были выработаны специальные указания об их действиях в бою: «Выбирать места наудобнейшие и авантажнейшие: в лесах, деревнях, на пассах и амбускладах (засадах). Тихо лежать и молчание хранить, и, подпустив противника на выстрел, поражать его метким огнем».

Во времена наполеоновских войн британскому снайперу Томасу Планкетту удалось «снять» французского генерала Огюста Колберта и его адъютанта на расстоянии в шестьсот метров. У противников англичан тоже были меткие стрелки: во время Трафальгарской битвы французский унтер-офицер, заняв позицию на мачте корабля, смертельно ранил адмирала Нельсона.

Во время Гражданской войны в США был убит генерал северян Джон Сэджвик. Как нам рассказывал мой инструктор, генерал занимался управлением огнем артиллерии, когда снайперы конфедератов открыли стрельбу с дистанции примерно около километра, вынудив офицеров штаба прижиматься к земле. Седжвик огляделся и сказал: «Что? Разве мужчины кланяются пулям? Что же вы будете делать, когда они откроют огонь по всей линии? Мне стыдно за вас. С такой дистанции они не попадут даже в слона». Через пару секунд пуля пробила ему навылет голову, пройдя над левым глазом. Вот тебе и слон! Вот тебе и неблагородно кланяться пулям!

Очень долго в армиях всего мира не понимали эффективность снайперского искусства и считали его неблагородным. Во время военного противостояния между Британской империей и североамериканскими колонистами англичане применяли общепринятую тактику открытого боя. Однако они столкнулись с неприятным сюрпризом: стрелки колонистов, облаченные в зеленые костюмы, отстреливали британских солдат и офицеров из невидимых укрытий. Во многих случаях британские солдаты, одетые в традиционные красные куртки и являвшиеся прекрасной мишенью, просто не могли понять, откуда ведется огонь. Американские колонисты, с детства привыкшие к стрельбе из ружей по всевозможной дичи, использовали длинноствольные ружья «Кентукки» и «Пенсильвания» и могли без труда «снять» противника на расстоянии до трехсот метров, поэтому английские мушкеты, способные вести прицельный огонь на расстоянии менее чем сто метров, оказались беспомощными перед американскими ружьями.

Любопытно, что британские офицеры, даже осознавая, что находятся под огнем американцев, зачастую не пытались скрыться, так как считали подобное

поведение трусостью. Однако еще большей трусостью английские джентльмены в мундирах считали сам процесс стрельбы на расстоянии и из укрытия. Среди британских офицеров существовал негласный кодекс поведения, согласно которому английским солдатам, вооруженным длинными ружьями, запрещалось подстреливать офицеров армии колонистов, так как подобные действия считались опять же «неблагородными».

Тем не менее эффективность тактики ведения дальней стрельбы была очевидна, и в конце концов бритты под давлением молодого и предприимчивого офицера и изобретателя Патрика Фергюсона организовали свой собственный отряд стрелков из ста человек, которым были выданы длинноствольные ружья и зеленая маскировочная униформа. Последующая гибель Фергюсона и стереотипное мышление британского военного руководства отодвинули использование стрелков-снайперов на задний план.

Стереотипное мышление военного руководства – это проблема! А в российской армии – проблема в квадрате. Сдвинуть что-нибудь в голове наших генералов будет очень непросто. Даже Александру Ивановичу Гучкову, основателю либерально-консервативной партии «Союз 17 октября», имеющей большинство в Государственной думе третьего созыва, не удалось в 1909 году, будучи председателем думской комиссии государственной обороны, через представителей генералитета внести изменения в подготовку русских войск с учетом опыта Англо-бурской и Русско-японской войн. Хотя на его стороне были начальник Главного штаба и помощник военного министра Поливанов и председатель военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны Василий Иосифович Гурко – лихой командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. А сам Гучков добровольцем, вместе с братом Федором, был в Трансваале, где участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, был ранен и попал в плен. Именно там Гучков увидел, как малочисленная группа рассеянных по местности искусных стрелков может противостоять частям регулярной армии противника, и именно тогда снайперский огонь впервые стал существенным фактором в боевых действиях регулярных войск. Кстати, эта война вообще оказалась богата на смертоносные новинки – впервые были применены окопы, бронепоезда, пулеметы… Частично этот опыт пригодился потом в Русско-японской войне. Но вот дальше стали мешать стереотипы мышления старых генералов: этого нового не надо, наши предки и без этих игрушек били ворогов, пуля дура – штык молодец. А то, что на дворе XX век с его бешеным развитием орудий убийств и новых способов их применения, это нас не касается. Поэтому-то ничего у этой троицы и не получилось по реформированию русской армии и созданию первых

диверсионных и снайперских подразделений. Жаль!

Насколько помню, в России только в начале 1914 года был испытан оптический прицел на трехлинейке, а признан пригодным для использования в войсках он был аж в конце 1916 года! Российская бюрократия неистребима! А у немцев первые штатные снайперы на уровне рот, причем в количестве шестерых человек на роту, появились уже в начале 1915 года. Согласно свидетельствам англичан, зимой 1915-го любое появление британского солдата за пределами окопа гарантировало смерть от снайперской пули. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик.

Все это вспомнилось мне, конечно, не в тот день, пока я скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда Афанасия, а постепенно, когда обдумывал, что и как я буду делать в этом мире, чтобы внедрить спецоперации среди казачьих войск. И чем больше думал, тем меньше становился мой оптимизм. А в последнее время, с учетом опыта, полученного уже в этом мире, все чаще приходила мысль, что наверняка все останется лишь на уровне очень продвинутого в военном плане казака Амурского полка Тимофея Аленина и вряд ли смогу я исполнить наказ деда – стать офицером и передать как можно большему количеству казаков опыт проведения спецопераций из моего времени… Однако для себя на сегодняшний день я все же наметил три возможных варианта развития дальнейших событий.

Первый вариант – самый худший и, как я его назвал, сословно-экономический: я не смогу поступить в Иркутское юнкерское училище, так как «рылом не вышел». Казак-сирота – это не сын купчика или дворянина и даже не сынок зажиточного казака. С него денег не возьмешь.

В мое время многие «дерьмократы» и «либерасты» с пеной у рта доказывали, как хорошо жилось нам при царе-батюшке. Только забыли они, что в 1914 году хрустели французскими булками, омары трескали и запивали их шампанским самое большее процентов десять из ста семидесяти миллионов жителей Российской империи, а остальные выживали в нищете и безграмотности. Обучение в гимназии стоило от сорока до ста золотых рублей в год. Как я уже узнал, в Благовещенской шестилетней гимназии за годовой курс в первом классе надо заплатить сорок, а в шестом – восемьдесят рубликов, а это стоимость строевого коня или всей другой амуниции и обмундирования. Мало кто из казаков в Приамурье может отдать такие деньги за шестилетнее

обучение своего отпрыска, а гимназисту где-то и на что-то еще жить в городе надо.

Так что неуважаемым господам демократам следовало бы вспомнить, кем были их предки в царской России. Если они из крестьян и пролетариев, то с вероятностью в сто процентов можно было бы предположить, что в конце XIX века их ждал каторжный труд по 14–16 часов в сутки, без выходных и проходных. И за радость предкам было пропустить граненый стакан водочки под горбушку черного хлеба, а не омары с шампанским вкушать.

Эти мысли, кстати, были основным камнем преткновения в рассуждениях о возможных изменениях истории этого мира из-за моих действий. В том моем мире при советской власти я получил бесплатное среднее образование и высшее военное, дослужился до подполковника, а мой отец до полковника. Таким образом, хоть мы и из простых казаков – мой прадед был простым донским казаком с небольшим земельным наделом в Старочеркасске и большой семьей, – но при советской власти выслужились, по меркам прошлого, в дворяне и в «их высокоблагородия». Отец, дослужившись до полковника, в прошлом по табелю о рангах вообще получил бы потомственное дворянство, а я был бы весь в белом – дворянин Аленин, с родовым гербом в виде АК-103 в окружении пяти гранат Ф-1 на фоне цвета «хаки»! Три раза ха-ха-ха!

А если мои подвижки в этом мире приведут к тому, что не будет революций и не будет СССР? Тогда в будущем миллионы молодых ребят из простых семей не получат образования, не станут учителями, инженерами, врачами, офицерами… Хотя не будет и братоубийственной Гражданской войны, и гибели миллионов на пути к «светлому будущему»… Тем более что потом-то опять придем к неподконтрольным правительственным чиновникам, олигархам, опять будет разделение на «господ жизни» и «быдло». Кто-то будет за свежими устрицами на завтрак в другом конце мира личный самолет гонять, а кто-то будет ломать голову, где взять денег хотя бы на буханку хлеба, чтобы детей накормить…

Ладно, это все лирика! Для себя я уже все решил. Итак, возвращаемся к первому варианту – я не поступил в Иркутское юнкерское училище и через четыре года иду на первый срок службы в Амурский полк. Основная моя задача – своей службой показать, что мои навыки и подготовка дают возможность выполнять все поручения более эффективно. Надо будет поставить себя так, чтобы мои сослуживцы захотели научиться от меня новым приемам повышения своей физической и боевой подготовки, ведения разведки, маскировки, захвата

«языков» и стрельбы, а командование полка захотело бы это все распространить на весь полк, а может, на сотню или хотя бы на один десяток. Э-э-э, все вилами по воде писано!

О втором варианте я думал первое время после наказа деда: поступил в Иркутское училище, выпустился офицером, в Амурском полку получил полусотню, обучил ее, погеройствовал с казачками в китайском походе, в Русско-японской войне, и все рыдают от умиления, отправляют меня в академию Генштаба, чтобы я там все теоретически обосновал и ввел в войска повсеместно… Но на самом деле и здесь все упрется в военную бюрократию уже на полковом уровне, а может быть, уже на уровне сотника. При таком раскладе, если разрешит начальство, смогу организовать обучение полусотни по новым методикам, а потом в боевых действиях доказать эффективность такой подготовки, но дальше опять неизвестность. Захочет ли командование полка что-то изменять в боевой подготовке казаков или пошлет меня с моими нововведениями далеким пешим маршрутом? При самом хорошем и мечтательном раскладе, если не в китайском походе, то во время Русско-японской войны кто-то из высокого начальства заметит эффективность действия моих бойцов и захочет применить мои методики в более широком формате. Опять одни если!

Ну и третий вариант. Поступил в училище, закончил. Кстати, закончить тоже будет проблематично. Нет, не из-за знаний, а опять же из-за сословных противоречий. Вряд ли я стерплю унижения со стороны более высокосословных сокурсников. Точно кому-нибудь ряху начищу! А дальше прощай погоны! Из училища точно выпрут. Ладно, будем бить больно, но аккуратно, без телесных повреждений.

Все, отступления в сторону. Поступил, закончил, два года в полку и потом… Не знаю пока, как, но надо прорваться в Николаевскую академию Генерального штаба. Там во время учебы как-то выйти на русскую разведку и, зарекомендовав себя, постараться попасть на начало Англо-бурской войны представителем от Генштаба или под видом волонтера. Через доклады постараться доказать эффективность бурских засад, снайперского огня, действия малых групп в тылу врага, все это теоретически и методически обосновать и настаивать на создании экспериментальной диверсионно-разведочной группы хотя бы в полусотню казаков. А после обучения обкатать ее на боевых выходах в Китайском походе. А дальше как Бог даст!

В этом варианте без высокого покровительства нельзя. А на настоящий момент из всех покровителей у меня – атаман Селеверстов. Хотя и это уже не мало. Тем более дядя Петр, как я его сейчас называю, подтвердил, что он о моем поступлении в Иркутское юнкерское училище действительно разговаривал с наказным атаманом в Благовещенске. При этом наказным атаманом, оказывается, является военный губернатор Амурской области генерал-майор Беневский, который обещал посодействовать моему поступлению, если все будет хорошо. Вот такие вот планы!

Но в любом случае надо приучать окружающих к моей нестандартности и прущим из меня нововведениям в военной подготовке. Это я и начал делать почти три года назад. Мои мысли вернулись к событиям после смерти деда Афанасия.

Глава 7. Экзамен у атамана Селеверстова

Деда хоронила вся станица. Из других станиц также много казаков приехало. Я даже и не знал, что Афанасий Васильевич пользовался таким почетом и уважением среди амурских казаков.

После похорон казаки с кладбища потянулись в трактир Савина, где накрыли столы для помина за счет казны Черняевской сотни. Меня как единственного оставшегося родственника посадили за общий стол с казаками. Потом пошли поминальные речи. Много хорошего я услышал о деде Афанасии. Краем уха слышал, как жалеют меня казаки, рассуждая, что же делать теперь сироте. Об этом я тоже думал, так как не представлял теперь своего статуса. Что мне можно, а что нельзя по российским и казачьим законам.

В самом конце поминок из-за стола поднялся атаман Селеверстов и заявил, что он берет меня в свою семью до моего совершеннолетия, так как никого из родственников у меня здесь нет, и он обязан мне спасением от смерти своего сына Романа. Казаки за столом одобрительно загомонили.

Потом поднялся Савин и объявил, что за спасение от хунхузов его Ворона с лучшим косяком он дает мне в награду недавно родившегося жеребенка от Ворона и Ласки, которая считается лучшей кобылой в его табуне.

После такого заявления гомон казаков поднялся до небес. Некоторые стали подходить и хлопать меня по плечам, поздравляя с таким богатым подарком. Мне ничего не оставалось делать, как подняться и благодарить Ивана Митрофановича. Подарок действительно был царским. А если жеребенок пойдет в отца, то такому коню будут завидовать все казаки. Савин все потомство от Ворона продавал за очень большие деньги. Простому казаку такого коня было не купить.

Потом поминки закончились, и мы вместе с Селеверстовым вышли из трактира на улицу.

– Что, казак, дальше делать будешь? – спросил меня атаман, положив руку на плечо и разворачивая к себе лицом.

– До зимы еще месяца полтора, продолжу табун у Савина пасти. А дальше посмотрим, Петр Никодимович.

– Зови меня теперь дядя Петр или дядько Петро, я же тебя к себе в семью взял. – Селеверстов поправил фуражку на голове. – Жить у меня будешь или у себя?

– У себя, дядя Петро. Запасы продуктов есть пока. Готовить я умею. Одежды много осталось. Обслужить себя я смогу. Да и не хочется родной дом оставлять без пригляда. Нежилой дом быстро рушится.

– А не забоишься один-то в пади?

– А чего бояться? Мой дом – моя крепость!

– Ха… Крепость! Ну ты завернул, Тимоха! Хотя по сути верно: мы, казаки, в своем доме как в крепости бьемся, если враг пожалует. Ладно! Два дня тебе на обустройство хватит. Потом приедешь ко мне, будем думать, что с твоим наследством от хунхузов делать, а еще о твоей дальнейшей судьбе поговорим. Хотя уже сейчас тебе скажу: негоже приемному сыну атамана пастухом работать. Лучше бы ты у Савина дальше не пас его табун. Не к лицу мне! А то будут казаки гутарить, что куска хлеба для сироты не нашел!

– Как скажете, дядя Петро. Только что мне делать-то дальше?

– Приедешь через два дня, обо всем и поговорим.

Так закончилась моя пастушеская карьера у казака Савина, тем более что напуганный попыткой хунхузов угнать станичный войсковой табун купец нанял пастухами к своим косякам по два бурята, вооружив их до зубов. Да и станичный войсковой табун пасли теперь не мальцы-казачата, а матерые казаки, тоже вооруженные, будто на войну собрались.

Через два дня, проведя в своем хозяйстве ревизию, я приехал к Селеверстовым. Пообедав за общим столом, мы уединились с атаманом в горнице, где я передал ему на хранение дедово наследство в восемьсот рублей. Три коня со сбруей и все оружие, которое досталось мне после хунхузов, решили продать. Селеверстов ожидал выручить за все еще рублей четыреста. Говорил, что было бы больше, если бы все продавать в Благовещенске на ярмарке, но лучше туда с этим добром не соваться, чтобы не возникли лишние вопросы.

Себе я оставил только восьмизарядную винтовку Маузера, в которую буквально влюбился, и все патроны для берданки. Из-за маузеровской винтовки мы с Селеверстовым спорили до посинения, пока дядя Петро не сдался и не пообещал достать для нее патроны, и то только после того, когда решили, что половина от вырученных денег пойдет Селеверстовым за мое содержание «на довольствии» в их семье до моего совершеннолетия.

До зимы по уговору с атаманом я буду помогать им по хозяйству, благо мы с покойным дедом Афанасием уже все запасли для своего дома до весны. Также договорились с атаманом, что он возьмет меня зимой на ярмарку в Благовещенск и выделит из моих денег сумму для покупки книг. Мое стремление поступить в Иркутское юнкерское училище дядько Петро поддержал полностью и сообщил, что обещана помощь от наказного атамана Беневского, который был поражен моими подвигами в схватке с хунхузами.

– Все, Тимофей! Все купеческие дела завершили. Поехали на сборное место, покажешь, что ты умеешь в казачьей науке.

Выйдя на двор, Селеверстов позвал своего среднего сына Никифора, который год назад вернулся с первого трехлетнего срока службы, за время которого выслужил звание младшего урядника и имел опыт схваток с китайскими бандитами.

– Седлай коней, возьми шашки учебные да карабин. Поедем Тимофею проверку устроим.

– Батька, меня возьмите! – выскочил во двор рыжеволосый Ромка. – Я тоже хочу посмотреть.

– Хорошо. И тебя берем. Иди брату помоги.

Через пять минут со двора Селеверстовых выехала небольшая кавалькада из четырех казаков и отправилась на поле за станицей Черняева, где проходили сборы казаков-малолеток. Приехав на поле и спешившись у коновязи, атаман отправил младшего Ромку принести лозы и воткнуть ее в станки на участке, отведенном для рубки, а меня вместе с Никифором повел на место, где отрабатывались строевые приемы.

– Давай, Никифор, командуй Тимофею, а то тебе на сборах через пять месяцев малолеток гонять. Тренируйся отрабатывать лычки младшего урядника.

Строевой меня не удивишь. Вспоминая свои курсантские годы, как-то забылся и все команды Никифора стал выполнять на автомате, пока не был остановлен командой: «Стой!»

– Что скажешь, Никифор? – Атаман удивленно и задумчиво поглаживал усы.

– С такой выправкой хоть сейчас в атаманцы лейб-гвардии! Тимоха, тебя кто всему этому научил? Вот это… да! – Только присутствие отца не позволило Никифору заковыристо выругаться.

«Кажется, это первый косяк, – подумал я. – Забыл, что строевой у амурских казаков начинают заниматься только с малолетками, то есть с девятнадцати лет. А я еще и ножку с носочком тянул, и чтобы расстояние до земли от подошвы сапога было не меньше двадцати пяти сантиметров».

– Деда учил. Он мне говорил, что внук георгиевского кавалера должен маршировать, как лейб-гвардеец на плацу.

– Добре! Давай-ка, Тимофей, покажи, как тебя с шашкой обращаться научили, – приказал старший Селеверстов, продолжая смотреть на меня какими-то удивленно-задумчивыми глазами.

Я принял уставную стойку с шашкой и по командам Никифора показал «развязывание рук» и различные крутки.

– Хорошо! Молодец, Тимофей! Все как надо выполняешь. – Селеверстов разгладил усы. – Теперь посмотрим, как ты пешим лозу рубишь, а потом верхами. Ромка, воткни вот здесь четыре лозы, а ты, Тимофей, пройди с рубкой направо и налево.

С этим заданием я также легко справился: все четыре лозы были срублены под углом сорок пять градусов и воткнулись рядом в землю с оставшимися стоять основаниями. Когда разрабатывал руку после ранения, то на дворе Алениных за месяц перерубал весь сухостой, имитируя конную дорожку и более сложные комбинации: рубка на две, три и четыре стороны как имитация боя с двумя, тремя и четырьмя противниками соответственно; рубка камыша и яблок на подкидывание, их рубка в подкидывании с оборотом назад, в бок на один и на два удара. При этом все упражнения выполнял из исходного положения «шашка в ножнах», благо шашка, которая носится режущей кромкой клинка вверх, позволяет наносить удар сразу после ее выхватывания из ножен. Самураи с их кендо отдыхают!

Как мне помнилось из информации своего времени, самураи во время Русско-японской войны были поражены той скоростью, с которой казаки осуществляли удар, выхватывая шашку из ножен. По мнению многих из тех, кто остался жив, «с этими русскими самураями невозможно сражаться, они разят быстрее смерти». При этом настоящий мастер фехтования на катанах должен был уметь побить противника одним только движением: за несколько секунд успеть выхватить катану из ножен, ударить противника и вернуть оружие в ножны. При этом считалось хорошим тоном за это краткое время еще и успеть отряхнуть с меча кровь противника.

Дед Афанасий, наблюдая за моими потугами быстрее освоиться с шашкой, исправлял небольшие ошибки, ставя мне удар, учил древнему казачьему «танцу» с одной и двумя шашкам, а за неделю до смерти отдал мне свою шашку, сказав, что ему она также от деда досталась. Это была шикарная черкесская шашка терс-маймун в богато отделанных ножнах. Судя по рисункам и

гравировкам, и шашку, и кинжал, которым я отправлял на тот свет хунхузов, делал один мастер. Пара была просто великолепна. Я был поражен красотой этого оружия, а Тимохина сущность визжала от радости от такого подарка.

Сегодня со мной была казачья, как я ее называл, «рабочая шашка». Она мне была более по руке. Расту еще! Жаль, йогурт «Растишка» не дают в этом мире!

– Хорошо удар поставлен. – Никифор посмотрел на отца. – Батька, может, посмотрим, как Тимофей рубиться умеет?

– А давай! Тимоха, против Никифора выйдешь на учебных? По голове и кистям не бить. До трех пропущенных ударов.

– Давайте попробуем, дядько Петро.

Я взял затупленную учебную шашку и оценивающе посмотрел на Никифора, который разминал кисть, вращая другой учебной шашкой.

«Учебная-то учебная, но даже если плашмя ею получишь, мало не покажется, – думал я, прикидывая, как построить бой против Никифора. Тот на полголовы выше, руки длиннее, привык рубить. – Что ж, будем резать, как длинным ножом на противоходе. Армейский ножевой бой спецназа я еще не забыл».

Никифор встал в правостороннюю стойку, перенеся всю тяжесть тела на левую ногу, сохраняя отвесное положение корпуса. Его клинок в согнутой в локте правой руки смотрел мне затупленным острием куда-то в область глаз. Я принял такую же стойку.

– Начали, – подал команду атаман Селеверстов.

Никифор сделал быстрый выпад в мою сторону, нанося колющий удар в район груди. Я отшатнулся назад, разрывая дистанцию, а когда Никифор стал возвращаться в исходную стойку, нанес режущий удар в выставленную переднюю ногу казака. Как я и ожидал, к такой «подлости» Никифор был не готов – все же строевых казаков больше учили рубиться на коне. Я сделал еще подшаг в сторону Никифора и, отводя предплечьем левой руки его кисть с зажатой шашкой, одновременно обозначил удар снизу-вверх от паха к шее, а

делая шаг назад, «рубанул» наискось, легко задев правое плечо и грудь Никифора.

– Стоп. Убит! – Старший Селеверстов поднял руку, останавливая Никифора, который попытался что-то сказать. – Еще раз! К бою! Готовьсь! Начали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valeriev_igor/ermak-nachalo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить